

29) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевскаго о сочиненіи студента *Пушкина Бориса* на тему: „Вопросъ о ереси жидовствующихъ въ русской церковно-исторической литературѣ“:

„Автору предстояло разрѣшить сложную задачу—пересмотрѣть вопросъ о ереси жидовствующихъ, имѣя въ виду недавно изданные новые матеріалы, касающіеся этого движенія. Онъ излагаетъ свою работу въ такомъ порядкѣ. Очертивъ въ первой главѣ сочиненія „содержаніе и направленіе русской мысли въ XIV и XV в. въ связи съ состояніемъ просвѣщенія“, онъ во второй главѣ обзрѣваетъ высказанные въ нашей исторической литературѣ взгляды на ересь жидовствующихъ, въ третьей, самой обширной и важной, послѣ критическаго пересмотра исторіи ереси излагаетъ свой собственный взглядъ на ея происхожденіе и сущность и наконецъ въ четвертой главѣ ищетъ подкрѣпленія своему взгляду въ религіозныхъ вопросахъ, занимавшихъ русское общество въ XVI в., считая ихъ отголоскомъ религіознаго движенія, возбужденнаго ересью жидовствующихъ. Основательно ознакомившись съ памятниками, относящимися къ темѣ, и съ обширной литературой предмета, авторъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ умѣнье разбираться въ сложномъ историческомъ вопросѣ, различать составные элементы и разнородные мотивы изучаемаго движенія. Въ основѣ ереси онъ видитъ „недоумѣніе изъ области ветхозавѣтной экзегетики“ или „неумѣнье разграничить область Ветхаго и Новаго Заавѣтовъ“ и признаетъ еретиковъ „русскими рационализирующими богословами“, притомъ не составлявшими плотнаго однороднаго общества, стоявшими „на разнообразныхъ по силѣ отрицанія ступеняхъ“, такъ что лишь къ самымъ крайнимъ изъ нихъ приложимъ терминъ „жидовствующихъ“ въ прямомъ смыслѣ слова. Убѣдительность соображеній автора нѣсколько ослабляется однимъ замѣтнымъ пробѣломъ въ его трудѣ,—отсутствіемъ подробнаго критическаго разбора недавно изданныхъ матеріаловъ о ереси, которыми онъ пользовался при пересмотрѣ вопроса о ней, что помѣшало ему достаточно полно исчерпать эти новые источники. Впрочемъ нахожу возможнымъ признать трудъ ст. Пушкина очень хорошимъ“.

30) Исправляющаго должность доцента Ильи Громоглазова о сочиненіи студента *Пятницкаго Ивана* на тему: „Расколъ, какъ доктрина, въ эпоху его возникновенія“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія (стр. 1—26), очень подробно обосновывающаго взглядъ на старообрядческій расколъ, какъ на явленіе церковно-религіознаго характера, и двухъ неравныхъ частей. Первая, состоящая изъ одной главы (стр. 27—61), должна, по мысли автора, представить доктрину раскола до собора 1667 г. Здѣсь, послѣ довольно бѣглаго обзора сужденій первыхъ расколуучителей о неизмѣняемости дониконовскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, излагаются извѣстныя еретическія мнѣнія нѣкоторыхъ изъ этихъ расколуучителей и дѣлается попытка логически связать ихъ съ доктриной раскола, понимаемаго какъ „буквообрядовѣрное направленіе религіозной жизни, исчерпываемое ученіемъ объ извѣстнаго рода церковно-богослужебныхъ книгахъ и опредѣленной совокупности обрядовъ“. Въ дальнѣйшихъ четырехъ главахъ второй части, имѣя въ виду изложить доктрину раскола послѣ собора 1667 г., авторъ послѣдовательно излагаетъ воззрѣнія первоучителей раскола на этотъ соборъ, ихъ ученіе объ антихристѣ, и отстаиваетъ взглядъ на самоистребленія въ расколѣ, какъ на слѣдствіе этого ученія (стр. 62—120); указываетъ главнѣйшіе моменты въ рѣшеніи іерархическаго вопроса раскольниками XVII в. и причину образованія въ расколѣ поповщинскаго и безпоповщинскаго толковъ (стр. 121—177); даетъ сводъ сужденій и мнѣній первыхъ расколуучителей о таинствахъ, въ особенности о бракѣ (стр. 178—215); наконецъ, излагаетъ споры въ расколѣ по обрядовымъ вопросамъ—о старопечатныхъ книгахъ и формѣ креста (стр. 216—232).

Изъ представленнаго перечня содержанія отдѣльных главъ сочиненія видно, что г. Пятницкій безъ нужды расширяетъ рамки своего изслѣдованія, понимая подъ эпохой возникновенія раскола всю вторую половину XVII вѣка и пытаясь довольно натянуто установить связь между общими основоположеніями раскола и частными еретическими мнѣніями нѣкоторыхъ его первоучителей. Въ то же самое время настоящая задача автора — выясненіе характера и состава тѣхъ основоположеній, въ какія замыкалъ свое исповѣданіе такъ называемый старообрядческій расколъ и какими отли-

чалъ онъ себя отъ православной церкви въ моментъ отпаденія отъ нея—остается не достаточно разработанною. Причина указаннаго недостатка заключается, повидимому, въ томъ, что авторъ не далъ себѣ труда самостоятельно вдуматься въ свою тему, подавленный вліяніемъ одного изъ лучшихъ своихъ пособій—книги проф. Смирнова о внутреннихъ вопросахъ въ расколѣ XVII в., которой видимо слѣдуетъ въ содержаніи и планѣ своей работы, упуская изъ виду, что названное изслѣдованіе, какъ видно изъ самаго заглавія его, имѣетъ иной, болѣе широкій предметъ. Тѣмъ не менѣе, разсматриваемое сочиненіе не лишено и нѣкоторыхъ достоинствъ. Автору его нельзя отказать въ умѣннн, оставаясь въ намѣченныхъ рамкахъ своей работы, подобрать нужный для нея матеріалъ изъ существующей ученой литературы, которую онъ пользуется въ общемъ довольно умѣло и всегда добросовѣстно. Изложеніе мыслей, при похвальной краткости и стройности, на всемъ протяженіи сочиненія вполне гладкое, безъ замѣтныхъ стилистическихъ дефектовъ. Для присужденія кандидатской степени признаю работу г. Пятницкаго достаточною“.

31) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Рязскаго Константина* на тему: „Родіонъ Путятинъ, какъ проповѣдникъ“:

„Поученія протоіерея Родіона Путятина выдержали уже 22 изданія. Такой успѣхъ не выпадаетъ иногда и на долю произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера даже самыхъ извѣстныхъ писателей. Очевидно проповѣди разсматриваемаго автора отличаются большими, такъ сказать, нестарѣющими достоинствами. Обзорѣтъ проповѣдническую дѣятельность выдающагося русскаго проповѣдника, уяснить причины столь глубокаго вліянія его на людей и взять на себя трудъ нашъ авторъ.

Трудъ г. Рязскаго состоитъ изъ введенія (1—10 стр.) и пяти главъ (10—544 стр.). Мы не будемъ излагать содержаніе сочиненія автора хотя бы даже бѣгло и кратко, потому что авторомъ сдѣлано все, что нужно и можно было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Имъ не пропущены почти ни одна мелочь, ни одна подробность. Въмѣсто этого лучше обратимъ вниманіе на нѣчто другое, болѣе важное и цѣнное.

Среди источниковъ, которыми пользовался авторъ при составленіи своего труда, заслуживаетъ особеннаго вниманія

одинъ, это „Дневникъ“ протоіерея Родіона Путятина, впервые открытый авторомъ, а потому совершенно не использованный въ литературѣ. Благодаря этому „Дневнику“ авторъ проливаетъ новый свѣтъ на многія стороны жизни и дѣятельности проповѣдника, начиная съ годовъ образованія и кончая послѣдними годами его жизни. Многія изъ этихъ страницъ весьма оригинальны и цѣнны. Такъ о семинарскомъ образованіи онъ пишетъ: „Да, насъ не только не учили мыслить, но, напротивъ, отучали, не давали, запрещали мысль. Не смѣй своего сужденія имѣть, вотъ главное правило, котораго мы въ Семинаріи должны были держаться“ (11—12). Объ академическомъ: „насъ не приучали мыслить, а учили сочинять, составлять изъ чужихъ мыслей цѣлое, что-нибудь. Какъ, обыкновенно, мы писали? Тутъ считаешь, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ; подумаешь, посообразишь немного, а иногда и много, долго, и думая, не о томъ заботишься, чтобы дѣло сказать, правду, а о томъ, чтобы правильно сказать, т. е., по правиламъ реторики сказать. Приучая насъ сочинять, отучали мыслить. Не то, что мы боимся высказывать свои мысли, а мы не умѣемъ ихъ высказать, выразить, и не только мыслей своихъ не умѣемъ высказать, но и мыслить по своему, такъ сказать, не умѣемъ, не привыкли“ (27—28). Не на этой мудрости останавливается его духовный взоръ. Читая живыя, проникающія въ душу и затрогивающія сердце бесѣды Спасителя, Путятинъ говаривалъ: „что можетъ быть лучше, проще и назидательнѣе этихъ бесѣдъ; хорошо бы такъ говорить каждому проповѣднику“ (29). Въ другомъ мѣстѣ Родіонъ Путятинъ пишетъ: „читалъ посланія Ап. Павла. Какъ хорошо, какъ все просто, искренно, откровенно, безыскусственно. Вотъ бы какъ надо намъ писать“ (30). Во время пребыванія въ Академіи у него уже отчасти сложилась та оригинальная гомилетическая теорія, которой онъ держался впослѣдствіи все время. „Когда я былъ,—учился въ Академіи, и тогда еще я замышлялъ держаться, главнымъ образомъ, историческихъ фактовъ, примѣровъ, опытовъ, поученій важныхъ лицъ. При окончаніи курса, поступая на должность, я не оставлялъ своей мысли. Помню, какъ читалъ я Прологи, Четин-Миней, отмѣчалъ въ нихъ, выписывалъ изъ нихъ интересное. И на должности то же занимало меня преимущественно. Покупалъ книги такія,

въ которыхъ описываются опыты, примѣры благочестія. Наконецъ, я положилъ написать краткія поученія о истинахъ вѣры и дѣятельности изъ этихъ историческихъ опытовъ“ (30—31). На служеніе слова онъ смотрѣлъ необыкновенно высоко: „сейчасъ, пишетъ онъ, хотѣлъ было я нѣтъ Лазаря—приготовить къ печати такое поученіе, ради котораго можно барышъ получить... Нѣтъ не хочу! Свободна убо тварь познаваюсь. Нѣтъ не стоитъ игра свѣчь. Если не грѣхъ, то все таки правды нѣтъ. Надобно печатать то, что само за себя постоитъ, само по себѣ печати стоитъ“ (74). Онъ самъ о себѣ говоритъ: „Богъ сроднилъ меня съ вами (съ прихожанами); во всемъ мірѣ теперь нѣтъ людей, которые бы по духу были такъ близки ко мнѣ, какъ близки вы; вы теперь для моего духа все—и предметъ заботъ, и источникъ утѣшеній; вашимъ спасеніемъ я спасаюсь, ваша гибель и мнѣ грозитъ гибелью. Моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но пишущею рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“ (114). Поэтому весьма часто выступалъ съ словомъ назиданія о протоіерей. „Замѣчаетъ ли онъ пороки въ обществѣ, обиды, злоупотребленія, напаведный судъ, нарушеніе правъ ближняго—это даетъ ему поводъ запретить, обличить, умолить; устроится ли церковь въ приходѣ, производятся ли выборы на общественныя должности, появляется ли эпидемія, распространяется ли расколъ, обнаруживаются ли факты невѣжества, необразованности—все онъ обсуждаетъ просто, съ христіанской точки зрѣнія. Нѣтъ такого маленькаго событія, на которое не обратилъ бы вниманія о. Родіонъ. Покойный преосвященный Муромскій Андрей, бывший инспекторъ Ярославской семинаріи, рассказывалъ, что одно время въ Рыбинскѣ было нѣсколько случаевъ отравленія рыбою. Желая предохранить свою паству отъ несчастныхъ случаевъ, о. Родіонъ произнесъ поученіе „о соленой рыбѣ“, начавши его такъ: „сегодня, слушатели, я буду говорить о соленой рыбѣ“. Онъ сѣялъ сѣмя слова Божія вездѣ и всегда, и въ храмѣ, и на стогнахъ, и въ домахъ, и при божественной литургіи, и при бракѣ, и при погребеніи, и въ столахъ, и послѣ оныхъ. Въ тѣ дни, когда онъ служилъ самъ, онъ почти всегда произносилъ поученіе. „Надобно непрестанно говорить, писалъ онъ, непрестанно говорить въ Церкви проповѣди, всякій праздникъ. Давно я чувствовалъ, со-

знавалъ эту необходимость. Теперь еще больше нахожу это необходимымъ. Люди нынѣшніе забылись, не помнятъ своихъ существенныхъ обязанностей. Надобно непремѣнно говорить, говорить. Не знаю, какъ сказать, какъ это необходимо, нужно, полезно. И говорить надобно какъ можно чаще, всегда, при всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, при большихъ всѣхъ собраніяхъ“. Когда о. Родіону почему либо не удавалось говорить поученіе въ Церкви, то онъ искренно объ этомъ скорбѣлъ; по крайней мѣрѣ, въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ физическихъ силъ и болѣзнь не сломила его здоровья, онъ сожалѣлъ и скорбѣлъ, если въ праздникъ идетъ въ Церковь безъ поученія. Въ своемъ дневникѣ въ 1861 году онъ писалъ: „было время, когда я скорбѣлъ, если въ праздникъ иду, бывало, къ обѣдни безъ поученія. Нынѣ нѣтъ. Отчего? Отъ слабости силъ, частію же потому, что не считаютъ нужнымъ эти поученія наши“. Когда ему почему либо не приходилось долго писать поученія, то это его беспокоило. Въ дневникѣ своемъ онъ писалъ: „нынѣ съ безпокойствомъ думаю о томъ, что я давно не пишу. А какъ давно? мѣсяца полтора, чуть не два. Правда я думалъ, затѣвалъ, но этимъ все и оканчивалось“. Онъ постоянно думалъ о планахъ для поученій; постоянно строилъ планы для новыхъ поученій. Въ своемъ дневникѣ онъ почти ежедневно даетъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, что написалъ, о чемъ думалъ. „Все планы строю, писалъ онъ, а построить еще ничего не построилъ. И какъ же что-нибудь построю, когда планы строю. Время все уходитъ въ черченіи то того, то другаго плана, а на постройку ничего не остается. Хоть что-нибудь маленькое да сдѣлаю. Думалъ сейчасъ о проповѣди. Все не клеится у меня. Отчего? Оттого, что берусь за многое и за разное. Нѣтъ однимъ надобно заняться, одному надобно себя посвятить. Я все думаю, размышляю, планы строю, хочу, т. е., что-нибудь сдѣлать, и не то что хочу, а хочется мнѣ что-нибудь сдѣлать, т. е. написать, сочинить. За чѣмъ же дѣло? Мнѣ хочется сдѣлать больше съ небольшими трудами. Да, такъ. И потому не знаю, что мнѣ дѣлать. Большое маленькими силами не дѣлается. И вотъ я досаую, скорблю, что силы у меня мало. Я готовъ, радъ сдѣлать и маленькое, только хорошенькое: но и это не дается, не дѣлается“. Или вотъ еще примѣръ

того, какими планами задавался о. Родіонъ. „Нынѣшній день, пишетъ онъ 10 октября 1859 года, я брался говорить о многомъ: дневное Евангеліе готовился изъяснить, или чтонибудь изъ него; „Отче нашъ“ хотѣлъ начать изъяснять; о необходимости для каждаго христіанина имѣть у себя дома Евангеліе и другія Божественныя книги; о необходимости для каждаго изъ насъ трудиться, дѣлать что-нибудь такое, что могло бы приносить пользу намъ и другимъ. Чѣмъ же кончится? Да ничѣмъ“. Иногда планы о. Родіона были очень обширны. Онъ задавался цѣлю написать изъясненіе символа вѣры, молитвы Господней, изъяснить литургію, богослуженіе, написать общедоступно систему христіанскаго ученія. „Чего чего я въ свой вѣкъ не затѣвалъ, писалъ онъ, символъ вѣры хотѣлъ объяснить, потомъ литургію, прочія службы и уже написалъ проповѣди двѣ три, послѣ хотѣлъ писать бесѣды на разные манеры. Въ Рыбинскѣ было много покушеній. Кажется все перепробовалъ. Чѣмъ же все это кончится? Ужели ничѣмъ? Нѣтъ, во чтобы то ни стало буду заниматься тѣмъ, для чего переплетены начатки христіанскаго ученія“ (115—116. 120. 121—124). Не легко давались о. протоіерею поученія, которыми всѣ такъ увлекались. При писаніи поученій ему приходилось много мучиться и страдать. „И самое краткое поученіе, говоритъ онъ, не малаго труда мнѣ стоитъ; вчера я часа три, четыре все рождалъ и десять строкъ, не больше, написалъ. Чѣмъ же кончилось? Ничѣмъ. Да, я всю ночь мучился, не спалъ по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера ночью до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда. Просто я страдалъ, мучился ужасно. Тяжелое дѣло, скорбное дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній! Вотъ искушеніе: 1-й часъ за полночь, а я не сплю, потому не спится, часа полтора лежалъ на постели и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ завтраму: ничего не могъ придумать. Отчего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ, нѣтъ, надобно... ужъ не знаю, какъ сказать, что надобно: измучиться, изъ силъ выбиться, послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо: т. е. необходимо,

чтобы свыше чтонибудь пришло къ тебѣ, чтобы чтонибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься или вѣрнѣе сказать мучиться надъ поученіями?... А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда поученіе почему либо не давалось о. Родіону, онъ обращался съ молитвою къ Богу. Вотъ какъ онъ молился послѣ неудачной попытки написать поученіе: „все не то, все не такъ. Такъ что же, такъ какъ же? Господи! Вразуми меня, вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить, мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется. Ты, Господи, Самъ скажи мнѣ, что и какъ я долженъ говорить“. Вотъ еще: „пошли, Господи, мнѣ мысль какуюнибудь святую, которою бы освятилась и оживилась холодная моя душа и которую я могъ бы завтра передать другимъ, подобнымъ мнѣ“ (126—128). Не легко давались поученія о. протоіерею потому, что онъ не хотѣлъ говорить ничего чужого, ничего шаблоннаго, ничего непродуманнаго, невыношеннаго въ своей груди. „Для поученія. пишетъ онъ, довольно одной минуты или даже секунды довольно. Но этой секунды приходится долго ждать, иногда нѣсколько часовъ, цѣлыя сутки и дни. Иногда такъ ждешь, ждешь этой секунды, да и бросишь все и ничего не сдѣлаешь“ (129). Послѣ продолжительныхъ заботъ о проповѣди, иногда его осѣняло то давно ожидаемое имъ вдохновеніе. „Вчера очень довольно писалъ, говоритъ онъ, и нынѣ послѣ утрени писалъ, наконецъ, бросилъ все. Такъ и рѣшилъ было ничего не говорить. Вдругъ пришла одна мысль, давно бывшая въ головѣ, опредѣленная, хотъ и весьма не важная, самая простая, обыкновенная; я за перо, и поученіе черезъ часъ готово. Странно, многимъ очень оно понравилось. А все то оно не болѣе четвертинки листа. Нынѣ я говорилъ поученіе, пишетъ о. Родіонъ, въ которомъ касался современныхъ военныхъ дѣлъ. Поученіе не было задумано вчера, а было написано утромъ, съ одного маху; не успѣлъ даже прочитать написанное“ (130—131). Прежде чѣмъ отдать въ печать поученіе, онъ тщательно исправлялъ его; если же оно оказывалось очень неудачнымъ, то уничтожалъ его. „Просматривалъ, пишетъ онъ, старый хламъ свой. Нѣкоторыя, впрочемъ, одно только, до того приторно, что тотчасъ раздралъ. Препорядочно мучусь я за поученіями. Доселѣ испра-

вилъ ихъ немного. Четыре почти совершенно вновь пере-
дѣлалъ. Впрочемъ, придется кажется, всякое—вновь почти.
Должно быть съ перваго числа я началъ ихъ поправлять.
Слѣдовательно, нынѣ три недѣли... Доселѣ занимался раз-
сматриваніемъ своихъ катихизическихъ бесѣдъ—съ тѣмъ,
чтобы послать ихъ въ Епархіальныя Вѣдомости. Нѣтъ, не
стоятъ того. И потому досаду одну на себя принесло мнѣ
это разсматриваніе. Нѣтъ, не годятся. Почему нѣтъ въ нихъ,
почти нѣтъ ни одного живого слова? Только живое слово
живо и дѣйственно. Одно живое слово лучше тысячи. Да,
досаду навели на меня эти бесѣды. Я продолжаю себя раз-
бирать, разлагать, и хочу все или всѣ оставить, потому что
въ нихъ во всѣхъ дѣла мало сказано, а недѣла, не къ дѣлу
очень много, много для одной круглоты рѣчи, для складу,
для того только, чтобы читать или слушать было пріятно...
Нѣтъ, видно я не въ духѣ, оттого и свое мнѣ ничто не нра-
вится“ (132). И не одинъ годъ такъ трудился выдающійся
проповѣдникъ. Послѣдніе два года Родіонъ Путятинъ не
могъ даже неопустительно посѣщать богослуженіе. Но дома
у себя онъ, хотя и больной, продолжалъ трудиться надъ
своими поученіями. За нѣсколько дней до смерти его ви-
дѣли работающимъ за письменнымъ столомъ (144). Не при-
вожу другихъ многочисленныхъ подобныхъ мѣстъ изъ со-
чиненія автора, одинаково интересныхъ по своему содержа-
нію и новизнѣ (172—195 и др.).

Существенныхъ недостатковъ нельзя указать въ сочине-
ніи г. Рязскаго. Авторъ сдѣлалъ все, что можно и нужно
было сдѣлать. За небольшое лишь можно упрекнуть его. Есть
кое что въ его сочиненіи лишнее (48 стр. 57—80 и др.), по
мѣстамъ наблюдается внѣшняя, случайная связь между цѣ-
лыми отдѣлами (258—267 и др.). Не всегда и не всюду вы-
держанъ у него планъ, вслѣдствіе чего встрѣчаются повто-
ренія, изложеніе однороднаго матеріала въ различныхъ ча-
стяхъ сочиненія, смѣшеніе разнороднаго матеріала въ одномъ
отдѣлѣ (340 сл. 440 сл. 455. 462 сл. и др.). Обзоръ проповѣ-
дей со стороны содержанія нельзя назвать вполне удач-
нымъ и полнымъ. Его методъ въ данной части сочиненія
нуждается въ значительной поправкѣ. Въ сочиненіи г.
Рязскаго встрѣчаются досадныя описки (1. 8. 37. 40. 41.
48. 63. 66. 69. 74. 90. 95. 125. 138. 146. 149. 164. 282.

340. 409. 458. 462. 531 и др.), иностранныя слова (43. 53. 271 и др.), по мѣстамъ и стиль ъуждается въ поправкѣ (50. 52. 158. 163. 188). Наконецъ скорбно, что авторъ не воспользовался „Дневникомъ“ какъ должно, просмотрѣвъ въ немъ много весьма цѣнныхъ страницъ и отдѣльныхъ замѣчаній.

Г. Рязскаго за его сочиненіе признаю заслуживающимъ степени кандидата богословія вполнѣ. Мало того, настоятельно совѣтую ему немедленно напечатать тѣ части сочиненія, которыя написаны имъ на основаніи новооткрытаго „Дневника“. Гомилетическій и пасторологическій матеріалъ, собранный здѣсь авторомъ, будетъ весьма цѣнной новинкой въ нашей литературѣ“.

32) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Славгородскаго Николая* на тему: „Ученіе о прогрессѣ съ христіанско-философской точки зрѣнія“: „Необширное по объему, сочиненіе г. Славгородскаго производитъ, однако, довольно удовлетворительное впечатлѣніе. Историческія справки, хотя и не обильны, но достаточно опредѣленны и приводятся обыкновенно цѣлесообразно. Рѣшеніе вопроса, хотя и не вездѣ раскрыто съ надлежащею убѣдительностью и одинаково доказательно, однако, въ общемъ проведено въ направленіи правильномъ. „Центръ тяжести при рѣшеніи вопроса о прогрессѣ“,—пишетъ авторъ (стр. 170—1), — „нужно перенести съ общества на личность. Личность и она только одна стоитъ въ центрѣ исторіи и движетъ прогрессъ. Если въ извѣстной части челоувѣчества нельзя не отмѣтить прогрессивныхъ успѣховъ культуры, созданія общественныхъ идеаловъ, то это плодъ дѣятельности не общества въ его цѣломъ, а отдѣльныхъ личностей. Самое понятіе общества не конкретное, а дискретное. Какъ таковое, общество состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, живыхъ личностей. Личность и есть единственно реальное существо, съ которымъ считаются жизнь и наука“. Чтобы жизнь прогрессировала,—разсуждаетъ авторъ,—индивидуумы должны быть одушевлены лучшими стремленіями и идеалами, а таковы только христіанскіе. Такъ онъ подходит къ *богословскому* освѣщенію вопроса и на этомъ пути вырабатываетъ формулу прогресса, правда нѣсколько громоздкую, но за то достаточно опредѣленную и

рѣшительную, а именно (стр. 245—6): „Прогрессъ есть активный процессъ всесторонняго духовнаго совершенствованія индивидуума, постепеннаго приближенія конечнаго къ Безконечному,—процессъ, осуществляющійся въ опредѣленныхъ матеріально-соціальныхъ условіяхъ, которыя, въ свою очередь, по мѣрѣ развитія индивидуума и въ зависимости отъ этого развитія, подвергаются соотвѣтствующимъ измѣненіямъ“. Мысль автора логична, языкъ выработанъ, изложеніе правильно.—Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

33) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Соболева Александра* на тему: „О церковныхъ наказаніяхъ для лицъ духовнаго и монашескаго чина за XVIII вѣкъ“:

„Основательно выяснивъ въ предисловіи (I—XIII), что избраннй для сочиненія предметъ, хотя и былъ затронутъ въ нашей церковно-исторической и канонической литературѣ, однакожь заслуживаетъ спеціального изслѣдованія, авторъ и ставитъ своею задачею представить таковое.

Для выполненія этой задачи ему предстояло преодолѣть затрудненія двоякаго рода: во 1-хъ—найтись въ обширной массѣ матеріала: нужно было время и усердіе собрать и изучить его; во 2-хъ—нужно было сѣумѣть расположить его въ системѣ. И должно признать, что авторъ съ полнымъ успѣхомъ преодолѣлъ оба затрудненія. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ между прочимъ: „мы старались собрать все, что заключается по данному вопросу въ *литературныхъ памятникахъ описываемаго времени*, чтобы по возможности нарисовать полную картину того, что было“ (стр. VIII). Если вмѣсто неудачно употребленнаго здѣсь выраженія: „литературные памятники“ поставить болѣе соотвѣтственное „законодательные памятники и изданные архивные матеріалы“, то это заявленіе автора должно будетъ признать совершенно вѣрнымъ. Этотъ юридическій и изданный матеріалъ авторомъ собранъ полно и изученъ тщательно.

Заслуживаетъ полнаго одобренія и планъ, придуманный авторомъ для изложенія разнообразнаго матеріала, имъ изученнаго. Планъ этотъ простъ, цѣлесообразенъ и придуманъ самимъ авторомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее его признаніе:

„Главную и основную часть сочиненія составляет система церковныхъ наказаній XVIII вѣка. Она подраздѣляется на двѣ главы, изъ которыхъ первая занимается наказаніями, имѣющими для себя оправданіе или основу въ церковныхъ канонахъ, а вторая—не имѣющими оной. Причина такого нѣсколько необычнаго дѣленія заключается въ самомъ существѣ церковныхъ наказаній описываемаго времени. Первоначально предполагалось раздѣлить церковныя наказанія на мѣры дисциплины очистительной и на мѣры дисциплины исправительной. Подобнаго дѣленія въ отношеніи наказаній держится проф. Суворовъ. Однако въ приложеніи къ XVIII вѣку это дѣленіе оказывается не совсѣмъ пригоднымъ: многія изъ наказаній этого времени съ удобствомъ могутъ быть отнесены и къ мѣрамъ исправительнымъ и къ мѣрамъ очистительнымъ. Отсюда въ сочиненіи будетъ удержано первое дѣленіе. Каждая изъ этихъ двухъ главъ въ свою очередь содержитъ нѣсколько отдѣловъ. Въ первой ихъ три: 1) отлученіе; 2) изверженіе; 3) запрещеніе. Во второй—десять: 1) ссылка въ заточеніе, или въ Сибирь; 2) монастырское подначальство; 3) содержаніе въ колодничьей избѣ; 4) отрѣшеніе отъ должности; 5) переводъ съ одного мѣста на другое; 6) тѣлесныя наказанія; 7) штрафы; 8) поклоны; 9) выговоры и отдача подъ особенный надзоръ, и 10) наказанія, употреблявшіяся въ исключительныхъ случаяхъ... Но эти обѣ главы не исчерпываютъ всего предмета сочиненія. Имъ предшествуетъ особая часть, посвященная изложенію теоретическихъ соображеній автора о характерѣ и цѣляхъ церковныхъ наказаній XVIII в., о вліяніяхъ, подъ дѣйствіемъ коихъ наказанія этого времени приняла одно направленіе, а не другое, и наконецъ—о тѣхъ основаніяхъ, которыми духовная власть думала оправдать свою карательную систему“ (Предисл. IX—XIII).

По этому плану авторъ весьма удобно расположилъ свой разнообразный матеріалъ. Его сочиненіе читается легко и по временамъ съ живымъ интересомъ, возбуждаемымъ яркими описаніями безмѣрной жестокости нѣкоторыхъ видовъ наказаній. Но въ сочиненіи есть крупный недостатокъ, особенно неприятно поражающій читателя своимъ несоотвѣтствіемъ указаннымъ его достоинствамъ. Этотъ недостатокъ—грубый, почти необработанный стиль. Нерѣдко встрѣчаются

неправильные періоды, грубые, совсѣмъ нелитературные обороты рѣчи и отдѣльныя выраженія, напр. „будучи считаемъ“ (стр. 343) „...стерегли цѣлыхъ два солдата“ (стр. 261): какъ будто могутъ стеречь 1½ солдата!

Если бы авторъ взялъ на себя трудъ снова тщательно пересмотрѣть свое сочиненіе съ цѣлью очистить его отъ подобной шелухи, которой найдется въ немъ не мало, то его сочиненіе можно бы рекомендовать для напечатанія.

Почитаю его вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору кандидатской степени.“

34) Исправляющаго должность доцента іеромонаха Іосифа о сочиненіи студента *Соловьева Николая* на тему: „Библейско-историческій пробѣлъ 440—175 г. г. до Р. Хр.“

„Послѣдовательное теченіе свящ. первоисточника Библейской Исторіи прерывается, между прочимъ, крупнымъ пробѣломъ въ нѣсколько столѣтій, границы котораго опредѣляются, съ одной стороны, событіями конца книги Нееміи (обыкновенно, относимыми къ 440 г. до Хр.), и съ другой—началомъ событій періода Маккавейскаго, точнѣе—выступленіемъ Антіоха Епифана (175 г. до Хр.). Нѣкоторыя попытки восполнить этотъ пробѣлъ—употребилъ еще Іосифъ Флавій, который, впрочемъ, такъ же не идетъ въ данномъ случаѣ далѣе воспроизведенія пары легендарныхъ событій (каковы—разсказъ объ Александрѣ Великомъ и исторія перевода LXX), крайне слабыхъ, въ своихъ деталяхъ, предъ строго-историческою критикою, а главное—заполняющихъ только лишь ничтожную часть всего громаднаго пробѣла. Подобная же попытка въ Маккавейскихъ книгахъ такъ же ограничивается лишь самыми незначительными и, при томъ, исторически-слабыми или слишкомъ конспективными повѣствованіями (I Макк. I, 1—10).

Быль ли причиною сказаннаго указываемый Wellhausen'омъ характеръ времени, неблагопріятный для развитія и выступленія отдѣльныхъ личностей, или—что не менѣе правдоподобно,—не нашлось лица, способнаго взглянуть на значеніе складывавшихся и протекавшихъ событій глазами серьезнаго историка и увѣковѣчить эти событія для будущаго,—только скудость политическихъ событій и историческихъ картинъ за все время означеннаго періода, дѣйствительно, неприятно бросается въ глаза и вызываетъ немалыя за-

трудненія. То же самое заставляетъ сказать и внутренняя жизнь Іудейства, которая, подъ темнымъ покровомъ исторіи, несомнѣнно, шла своей дорогой, указанной Ездрую и Неміей, и такъ же не нашла себѣ способнаго и внимательнаго описателя.

Не смотря на всѣ эти невыгоды въ положеніи историка, лишеннаго возможности связать сколько нибудь прочнымъ звеномъ порванныя нити Библейскаго повѣствованія, 'дружная кропотливая работа цѣлаго ряда вѣковъ успѣла пролить не мало свѣта въ эту „долгую темную ночь“ на историческомъ небѣ Іудейства, „среди которой не блеститъ ни одной звѣзды, не свѣтитъ мѣсяць.“ Если внѣшне-политическая сторона исторической жизни за означенный періодъ такъ и не обогатилась почти ни однимъ лишнимъ штрихомъ, ни одною существенно-важною детальною, по сравненію съ первобытною скудостью Флавія, за то по части разработки картины внутренняго состоянія жизни Іудейства сдѣлано не мало, благодаря тому, что подробности этого состоянія дается возможность устанавливать самымъ прагматизмомъ исторіи. связью и взаимоотношеніемъ послѣдующаго къ предшествующему, и наоборотъ, а также—и путемъ извлеченія освѣщающаго матеріала изъ свѣдѣній вообще по исторіи тогдашняго міра и его состоянія.

Задачу—привести въ извѣстность существенное, что сдѣлала въ данномъ случаѣ Библейско-Историческая наука,—и ставитъ себѣ сочиненіе г. Соловьева. Насколько безплодны были его труды и изысканія для своей области, здѣсь можно привести въ подтвержденіе и то, что многовѣковой Библейско-Исторической „проблѣ“ онъ „заполняетъ“ 457-ю страницами достаточно удовлетворяющаго, обстоятельнаго и содержательнаго матеріала, основаннаго на изученіи изысканій авторитетнѣйшихъ изслѣдователей тогдашней жизни Іудейства. Если нельзя, по вышесказанному, вмѣнять въ недостатокъ г. Соловьеву того, что въ первой части своего труда (Персидскій періодъ) онъ мало могъ привести цѣнныхъ подробностей внѣшне- историческаго характера, сверхъ обычной скудости, за то нельзя не поставить ему въ похвалу значительнаго собранія подобныхъ подробностей во второй части (Греческій періодъ). Внутреннее состояніе Іудейства, какъ оно сложилось приблизительно въ то время, осо-

бенно подѣ влияніемъ реформъ Нееміи и Ездры, полно и содержательно представляется въ I части труда, хотя и путемъ небезыскусственнаго сближенія отдѣльныхъ подробностей. вслѣдствіе чего многія изъ этихъ подробностей болѣе или менѣе значительно выходятъ изъ предѣловъ отмежеваннаго періода. Впрочемъ, вообще при трудности размѣстить всѣ эти подробности по однимъ опредѣленнымъ мѣстамъ ихъ, заключить въ строго-опредѣленныхъ границахъ,—нельзя и этого ставить въ особенную вину г. Соловьеву, тѣмъ болѣе что воспользоваться ими онъ долженъ былъ въ видахъ большей законченности и полноты своихъ „главъ.“

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе выполнѣе достаточно“.

35) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Соколова о сочиненіи студента *Спаскаго Алексѣя* на тему: „Анабаптисты. (Къ вопросу о значеніи религиозной реформаціи XVI в. въ общемъ ходѣ исторіи западной Европы)“:}

„Обширное (XII+516 стр. убористаго письма) сочиненіе г. Спаскаго представляетъ собою полное и весьма обстоятельное изслѣдованіе анабаптизма, т. е. одного изъ важныхъ и интересныхъ явленій религиозной исторіи христіанскаго запада. Тѣмъ большій интересъ представляетъ это явленіе, что оно тѣсно сплетается съ одной стороны съ исторіей нѣмецкой религиозной реформаціи, а съ другой—съ тѣми соціально-политическими движеніями, которыя навели ужасъ на всю Германію, наполнивъ цѣлыя области ея огнемъ пожаровъ и потоками крови. Задача автора въ томъ и состояла, чтобы опредѣлить истинный смыслъ этого явленія, указавъ его отношеніе и къ реформаціи и къ соціальнымъ движеніямъ.“

Послѣ краткаго введенія, состоящаго изъ общихъ вступительныхъ замѣчаній и перечня источниковъ и пособій, самое изслѣдованіе г. Спаскаго распадается на части подѣ слѣдующими заглавіями: „происхожденіе анабаптизма; сущность, названіе и вопросъ о началѣ секты анабаптистовъ; исторія анабаптистовъ, раздѣляющаяся на періоды саксонскій, швейцарскій и вестфальскій или мюнстерскій; послѣдующая судьба анабаптистовъ и, наконецъ, реформація и анабаптизмъ въ ихъ взаимоотношеніи и ихъ значеніе въ исторіи западной Европы“.

Уже по однимъ этимъ заглавіямъ читатель можетъ ви-

дѣтъ, что изслѣдуемый авторомъ вопросъ взятъ во всей его полнотѣ и рассматривается въ сочиненіи со всѣхъ существенныхъ сторонъ; знакомство - же съ самымъ изслѣдованіемъ убѣждаетъ его, что задуманный г. Спасскимъ планъ выполненъ такъ обстоятельно, что, въ общемъ, трудъ автора даетъ полное и ясное представленіе о рассматриваемомъ предметѣ.

Для осуществленія своей задачи г. Спасскій добросовѣстно воспользовался всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который былъ ему доступенъ, начиная съ основныхъ данныхъ и документовъ, заключающихся въ сочиненіяхъ Лютера и Цвингли и въ приложеніяхъ къ изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ авторовъ, и продолжая многочисленными трудами Арнольда, Келлера, Бецоляда, Эрбкама, Гаста, Газе, Геберле, Готтингера, Ранке, Менцеля, Штерна, Рѳриха, Вишнякова, Дородницына, Циммермана, Михайлова, Песоцкаго и многихъ другихъ.

Съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается авторъ на *исторіи* анабаптистовъ, при чемъ эта исторія подробно излагаетъ всѣ наиболѣе важные моменты въ развитіи разсматриваемаго явленія, старается надлежащимъ образомъ выяснитъ и освѣтитъ ихъ въ ихъ взаимномъ отношеніи и въ ихъ зависимости отъ различныхъ постороннихъ явленій, представляетъ иногда весьма удачныя характеристики наиболѣе выдающихся дѣятелей секты, выясняетъ существенныя особенности ея воззрѣній и, по возможности, приводитъ эти воззрѣнія въ систему. Эта историческая часть изслѣдованія, составляющая большую часть всего труда (стр. 55—460), имѣетъ наибольшую цѣнность и по существу, хотя желательно было бы видѣть въ ней болѣе цѣльности и проникновенія одною основною идеей, которая менѣе заслонялась бы фактическими подробностями.

Къ предмету своего изслѣдованія авторъ относится съ увлеченіемъ, которое побуждаетъ его иногда доходить и до крайностей. Такую крайность нельзя не видѣть напр. въ стремленіи автора преувеличить значеніе анабаптизма, поставляя его въ прямую связь съ нѣкоторыми современными явленіями религіозной жизни (стр. V), а также въ чрезмѣрныхъ иногда восхваленіяхъ по его адресу (напр. стр. 197, 493 и др.), при чемъ авторъ сосредоточиваетъ свое внима-

ніе лишъ на свѣтлыхъ идеяхъ секты, забывая о томъ, что эти свѣтлыя идеи, благодаря невѣжеству большинства сектантовъ и крайнему настроенію ихъ вождей, являются искаженными и доведенными до чудовищной нелѣпости.

Въ частности изслѣдованія г. Спасскаго можно указать какъ на недостатокъ напр. на то, что иногда авторъ называетъ невѣроятнымъ и недостовернымъ то или другое историческое положеніе, не принимая на себя труда указать для того какія-либо основанія (стр. 63, 78, 136, 167).

Встрѣчаются въ сочиненіи, хотя очень рѣдко, нѣкоторыя мелкія ошибки и неточности, напр. на стр. 24, 26, 76 и др., конечно, вполне понятныя въ обширномъ историческомъ изслѣдованіи и не умаляющія его достоинства.

Для присужденія автору степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Спасскаго, какъ трудъ добросовѣстный, серьезный и научный, представляющій собою полное и обстоятельное изслѣдованіе своего предмета, вполне удовлетворительнымъ“.

36) Эстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Струминскаго Василя* на тему: „О познаваемости Божества“:

„Не часто, но всеже приходится иногда встрѣчать и отмѣчать среди обычныхъ студенческихъ сочиненій и такія, въ которыхъ изъ-за философскихъ формулъ ясно выступаетъ живая личность автора. Въ большинствѣ случаевъ это—сочиненія на тему общаго характера, не связывающія, слѣдовательно, выраженіе того, что передумано и пережито ихъ юными авторами въ теченіе долгихъ учебныхъ годовъ.

Таково, во всякомъ случаѣ, сочиненіе г. Струминскаго. И именно въ этомъ, — въ богатствѣ, глубинѣ и тонкости *личныхъ думъ и религіозно-философскихъ переживаній* автора,—его главное достоинство, сообщающее ему интересъ далеко не обычный.

Съ большою чуткостію къ современнымъ запросамъ мысли, въ которыхъ авторъ обнаруживаетъ далеко не заурядную, даже и для не—студента, освѣдомленность, онъ дѣлаетъ развѣдки въ прошломъ человѣческой мысли, дабы оттуда вынести отвѣты настоящему. Вслѣдствіе этого, несмотря на то, что тема сочиненія никогда, въ христіанской исторіи, не переставала служить предметомъ большихъ и малыхъ трак-

татовъ, онъ всеже съумѣлъ подойти къ ней съ очень интересныхъ сторонъ, дѣлающихъ чтеніе „диссертаци“ очень легкимъ.

Къ достоинствамъ сочиненія нужно отнести также большую начитанность автора въ философіи, причемъ онъ далеко не всегда наклоненъ подчиняться общепринятому и традиціонному, но нерѣдко пытается освѣщать и старыя вопросы съ новыхъ точекъ зрѣнія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его обширная глава о Кантѣ, въ которой онъ вноситъ значительныя поправки въ популярное представленіе, стремящееся сдѣлать изъ Канта скептика на практической основѣ. Къ сожалѣнію, глава эта, по обилію введенныхъ въ нее вопросовъ, вышла недостаточно отчетливою.

Съ формальной стороны, сочиненіе г. Струминскаго ярко выдѣляется раздѣльностію изложенія: все оно есть какъ бы одна распространенная схема, усвоеніе которой дѣло чрезвычайно легкое.

Стиль автора мѣстами излишне растянута и словообилена. Ему недостаетъ иногда сжатости и логической строгости. Личный элементъ, въ общемъ достойный похвалы, не всегда, однако, ставится авторомъ въ рамки изложенія объективно-научнаго и нерѣдко заставляетъ его переходить въ тонъ проповѣдническо-публицистическій. Все это, конечно, минусы. Но за тѣмъ всѣмъ слѣдуетъ сказать, что лучше имѣть предъ собою эти минусы, чѣмъ безцвѣтно-безличную, сухую и невыразительную, подбитую общими мѣстами фразу, которую сплошь и рядомъ приходится встрѣчать въ такъ называемыхъ „кандидатскихъ“ сочиненіяхъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне.

37) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Студенскаго Аркадія* на тему: „Церковные люди въ древней Руси“:

„Сочиненіе написано по слѣдующему плану: I гл. содержитъ разсужденіе о происхожденіи института церковныхъ людей; II гл., самая обширная, трактуетъ о составѣ церковныхъ людей, которыхъ авторъ дѣлитъ на четыре группы, и объ измѣненіи въ составѣ церковныхъ людей; въ III гл. описывается отношеніе ихъ къ епископу.

Къ своей задачѣ—„представить полное по возможности

изображеніе всѣхъ жизненныхъ отношеній церковныхъ людей“ авторъ отнесся добросовѣстно. Перечитавъ главнѣйшіе первоисточники для церковной исторіи древней Руси, онъ по крупинкѣ собралъ достаточный матеріалъ для своей интересной темы. А изученіе (по хорошимъ пособіямъ) исторіи древнерусскаго права помогло автору толково и умѣло воспользоваться добытымъ матеріаломъ. Съ похвальной сжатостью, просто но точно онъ ведетъ свое изложеніе вопроса—внимательный анализъ свидѣтельствъ о разныхъ видахъ церковныхъ людей, не пропуская главныхъ данныхъ, и въ общемъ даетъ дѣльный, иногда совершенно самостоятельный комментарий. Въ сочиненіи есть пропуски: не изложена исторія самаго термина „церковные люди“, „церковный челоѣкъ“,—какъ онъ употребляется въ древней нашей письменности, опущенъ цѣлый отдѣлъ о матеріальномъ положеніи церковныхъ людей; есть неправильности въ планѣ: при классификаціи церковныхъ людей „задушные люди“ и „прощеники“ почему то отнесены къ хозяйственному разряду церковныхъ людей, къ группѣ разныхъ епископскихъ слугъ; есть отдѣлы, изложенные не достаточно критически и вызывающіе не мало возраженій,—объ „изгояхъ“; въ иныхъ случаяхъ авторъ только намѣчаетъ конспектъ отдѣла, а не излагаетъ его подробно, таковъ важный отдѣлъ—„измѣненія въ составѣ церковныхъ людей древней Руси“, другими словами—исторія церковнаго вѣдомства въ древней Руси.

И однако, не смотря на все это, сочиненіе студента А. Студенскаго слѣдуетъ признать дѣльной кандидатской работой“.

38) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Тсолакиса Саввы* на тему: „Нравственный идеаль Ап. Павла въ сравненіи съ ученіемъ Филона о добродѣтели“:

„Авторъ превратилъ тему въ „изложеніе ученія Филона о злѣ“, причемъ натуралистическо (?)—пантеистическій характеръ системы Филона хотя и далъ полную противоположность теистическимъ воззрѣніямъ Ап. Павла, однакожъ ближайшее выясненіе этой противоположности не занимаетъ автора. Къ этому главному недостатку присоединяется не всегда правильная русская рѣчь. Но судя по обширнымъ

приложеніямъ, представляющимъ послѣдовательныя выписки изъ сочиненій Филона всего, что авторъ считалъ относящимся къ ученію этого философа о добродѣтели,—г-нъ Цолакисъ, по моему мнѣнію, потрудился надъ предметомъ въ достаточной мѣрѣ и съ достаточной научностью для ученой степени кандидата богословія“.

39) Заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Туницкаго Николая* на тему: „Св. Климентъ Величскій. Его жизнь и литературная дѣятельность“:

„Обширное (VIII+548+XLI стр.) сочиненіе г. Туницкаго состоитъ изъ предисловія, двухъ частей изслѣдованія (по три главы въ каждой) и двухъ приложений.

Въ предисловіи (I—VIII), указавъ на непосредственную близость и тѣсную связь жизни и дѣятельности св. Климента съ просвѣтительнымъ дѣломъ свв. Кирилла и Меѳодія и отмѣтивъ необычайно широкій планъ изслѣдованія о Климентѣ, предносившійся Ундольскому, авторъ опредѣляетъ задачу своего труда. „Задача настоящаго труда—говоритъ авторъ—несравненно скромнѣе. Мы хотимъ на основаніи добытыхъ изъ вѣрныхъ источниковъ фактическихъ данныхъ, провѣренныхъ критическимъ путемъ, установить важнѣйшіе моменты изъ жизни и дѣятельности Климента и представить посильную характеристику его литературныхъ трудовъ. Разумѣется, говоря о Климентѣ, нельзя не говорить о паннонскихъ житіяхъ, о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, объ исторіи просвѣтительнаго дѣла первоучителей, равно какъ и объ обстановкѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, но всего этого мы касаемся лишь настолько, насколько необходимо для цѣльности представленія объ избранномъ авторѣ и объемѣ его трудовъ, а не настолько, насколько того требуетъ важность и сложность самыхъ затрогиваемыхъ вопросовъ. При такой постановкѣ дѣла устанавливаемые нами факты и положенія могутъ имѣть значеніе лишь единичныхъ доводовъ для рѣшенія такихъ болѣе принципиальныхъ вопросовъ въ томъ или иномъ смыслѣ (IV—V)“. Сообразно съ двоякимъ интересомъ, какой представляетъ собою личность Климента, какъ общественнаго дѣятеля и какъ писателя, трудъ г. Туницкаго раздѣляется на двѣ половины. „Въ первой—говоритъ авторъ—имѣется въ виду воз-

можно полно очертить жизнь и дѣятельность Климента въ связи съ всею совокупностію условій, въ которыхъ ему пришлось жить и дѣйствовать, опредѣлить принадлежавшую ему долю личнаго почина и усилій, приложенныхъ къ проведенію въ жизнь идеи первоучителей, наконецъ, съ подобающею правдою выяснитъ воздѣйствіе внѣшнихъ вліяній и препятствій, которыя неизбѣжно отразились на практическомъ осуществленіи его стремленій. Но такъ какъ достоверность нашихъ свѣдѣній о Климентѣ стоитъ въ зависимости отъ цѣнности историческаго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, то біографіи святителя мы предположимъ критику древнихъ источниковъ, которые къ тому же имѣютъ существенный интересъ и для исторіи дѣятельности Кирилла и Меводія. Предметъ второй части составляетъ опредѣленіе объема литературной дѣятельности Климента, приведеніе въ извѣстность разнообразныхъ списковъ его твореній и ихъ филологическій и литературный анализъ (V—VI)“.

Въ главѣ *первой* (1—98) авторъ даетъ обзоръ источниковъ для жизнеописанія Климента: болгарской и охридской легендъ и службъ святому. По отношенію къ болгарской легендѣ перечисляетъ изданія, представляетъ исторію критической оцѣнки памятника, довольно подробно останавливается на вопросѣ о принадлежности наличной редакціи пространнаго житія архіепископу Теофилакту, вскрываетъ лежащія въ основѣ болгарской легенды монастырскія лѣтописныя записи и дѣлаетъ выводы относительно цѣнности ея фактическаго матеріала. По отношенію къ охридской легендѣ отмѣчаетъ изданія, относящіяся къ ней ученые труды и принадлежность ея XII вѣку. Въ концѣ главы авторъ устанавливаетъ незначительную цѣнность церковныхъ службъ св. Клименту, какъ историческаго источника.

Глава *вторая* (99—168) посвящена обзоръ жизни и дѣятельности Климента до изгнанія изъ Моравіи, глава *третья* (169—256)—обзоръ жизни и дѣятельности Климента. Вчастности, въ главѣ второй, сказавъ о происхожденіи Климента и посвященіи его въ священнической и епископской санъ, авторъ даетъ картину положенія моравской церкви при первоучителяхъ, останавливается на документахъ, подтверждающихъ сказанія болгар-

ской легенды о преслѣдованіи Меѳодія и его учениковъ и излагаеть борьбу Климента и его сотрудниковъ съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, борьбу, закончившуюся изгнаніемъ учениковъ славянскихъ первоучителей изъ Моравіи. Въ главѣ третьей авторъ, послѣ изложенія вопроса о славянской письменности въ Болгаріи до прихода Климента, изображаетъ дѣятельность его, какъ миссіонера и учителя области Кутмичевицы при князѣ Борисѣ и какъ епископа Велицы при царѣ Симеонѣ. Даются свѣдѣнія о географическомъ положеніи той и другой области. Глава оканчивается изложеніемъ извѣстій о кончинѣ Климента и его канонизаціи и о вещественныхъ памятникахъ, относящихся къ св. Клименту.

Въ главѣ *четвертой* (257—361) авторъ представляетъ исторію постепеннаго открытія и изученія сочиненій Климента, причемъ подробнѣе останавливается на „Словѣ о св. Троицѣ, о твари и о судѣ“ по рукописи Кіевского Михайловскаго монастыря (№ 490), каковую рукопись авторъ имѣлъ случай видѣть и разсматривать на мѣстѣ. Затѣмъ авторъ останавливается на вопросѣ о принадлежности Клименту павнонскихъ житій Кирилла и Меѳодія, краткихъ проложныхъ поученій и словъ, усвояемыхъ Клименту, повидимому, безъ достаточныхъ основаній нѣкоторыми учеными. Въ заключеніи главы авторъ довольно подробно говоритъ объ участіи Климента въ реформѣ славянскаго письма.

Глава *пятая* (363—442) посвящена обзорнѣю спискамъ и редакціямъ поученій Климента. О каждомъ изъ пятнадцати поученій рѣчь ведется отдѣльно. Авторъ имѣлъ возможность непосредственно познакомиться съ списками поученій Климента въ московскихъ и кіевскихъ бібліотекахъ, остальные списки онъ вноситъ въ свой перечень по описаніямъ рукописныхъ собраній. Затѣмъ дано мѣсто замѣчаніямъ о языкѣ произведеній Климента со стороны звуковъ, формъ грамматическихъ и лексическихъ особенностей.

Въ главѣ *шестой* (443—548) авторъ говоритъ о характерѣ и источникахъ сочиненій Климента: поученій и похвальныхъ словъ. Представивъ кратко состояніе современной проповѣди въ Византіи и степень ея вліянія на Климента, авторъ отмѣчаетъ поученія, написанныя по западнымъ образцамъ, устанавливаетъ связь ихъ съ Фрейзингенскими статьями и

западными гомиліями. По отношенію къ похвальнымъ словамъ авторъ указываетъ составныя части ихъ и источники. Свои замѣчанія объ источникахъ и характерѣ сочиненій Климента авторъ резюмировалъ кратко въ шести положеніяхъ. Въ заключеніе главы авторъ представилъ сличеніе нѣкоторыхъ текстовъ Св. Писанія, встрѣчающихся въ проповѣдяхъ Климента, съ древнѣйшими славянскими списками библейскихъ книгъ.

Изъ двухъ приложений въ первомъ (I—XXXIII) данъ текстъ сочиненія Климента: „Слѣ ѿ стѣнѣ трѣнѣ и ѿ соудѣ. **СОТКОРНО КЛИМЕНЪТОМЪ**“ (по рукописи Кіевск. Михайл. мон. № 490, XV в., лл. 56—63) съ разночтеніями изъ четырехъ списковъ, и во второмъ (XXXV—XLI) „Климента ꙗпа поучѣнѣ стѣмѣ мѣнкѣ дмѣтрію“ (по рукописи Волокол. б. XV в. № 193, лл. 291—294).

Таково содержаніе рассматриваемаго сочиненія. Въ главѣ четвертой (273—274) авторъ вслѣдъ за проф. Лавровымъ приводитъ доказательства принадлежности Клименту похвалы 40 мученикамъ изъ словарнаго матеріала сохранившейся рукописи. Но конечно здѣсь имѣютъ силу выраженія характерныя, наряду съ которыми приводятся и слова такъ сказать безразличныя. Притомъ сходства выражений не всегда могутъ имѣть рѣшающее значеніе. Такъ и въ характеристикѣ редакцій поученій Климента приводятся иногда примѣры разностей языка неважныя.—На стр. 434 и 437 авторъ говоритъ: „благодѣтъ—болѣе древнее, чѣмъ благодать,“ „вѣскрѣшеніе—старше, чѣмъ вѣстаніе“ и т. д. На самомъ дѣлѣ такія формы и слова всего болѣе важны какъ показатели различныхъ южнославянскихъ и русскихъ говоровъ, отразившихся въ тѣхъ или иныхъ спискахъ поученій Климента. Сравнительная же древность этихъ и подобныхъ словъ и формъ и относительна и проблематична.— На стр. 385 авторъ отмѣчаетъ въ одной рукописи „употребленіе с вм. з: *сдравъ*.“ Въ интересахъ самого автора не лишне было бы замѣтить, что такое написаніе (собственно: *сдравъ*) и древнее и правильное, согласное съ этимологіей этого слова.—Не лишне было бы также приводить подъ строкой русской переводъ иногда довольно пространныхъ выдержекъ изъ греческихъ и латинскихъ памятниковъ.

Сочиненіе г. Туницкаго отличается многими существенны-

ми достоинствами: полнотою, такъ какъ разсмотрѣны въ большей или меньшей степени всѣ намѣченныя стороны избраннаго имъ предмета, основательностію въ пользованіи источниками и въ раскрытіи мыслей, послѣдовательностію, систематичностію и такъ сказать симметричностію изслѣдованія. Авторъ насколько могъ обращался къ рукописнымъ матеріаламъ. Кромѣ рукописи Кіевскаго Михайловскаго монастыря № 490, авторъ пользовался и многими другими рукописями доступныхъ ему библіотекъ (академической, лаврской и московскихъ), въ которыхъ хранятся многочисленные списки тѣхъ или иныхъ сочиненій Климента. Обширный матеріалъ сочиненія авторомъ хорошо усвоенъ и тщательно обработанъ. Авторъ обнаружилъ основательное знакомство какъ съ источниками біографіи Климента и его сочиненіями, такъ и съ различными взглядами и мнѣніями ученыхъ, начиная отъ древнихъ до новѣйшихъ. Въ отношеніи къ мнѣніямъ ученыхъ, нерѣдко взаимно противорѣчащимъ, авторъ проявилъ достаточно и находчивости и оригинальности. Сочиненіе написано яснымъ правильнымъ языкомъ, отъ иностранныхъ словъ почти совсѣмъ свободно.

Для полученія кандидатской степени признаю сочиненіе г. Туницкаго вполне удовлетворительнымъ.“

40) Экстраординарнаго профессора Василя Мышцына о сочиненіи студента *Успенскаго Константина* на тему: „Ascensio Isaiae Uatis. Историко-критическій очеркъ:“

„Въ началѣ сочиненія (стр. I—XLV) авторъ даетъ русскій переводъ апокрифа, сдѣланный имъ съ латинскаго текста изданія Дилльманна. Къ переводу присоединены краткія критическія примѣчанія (стр. XLV—LXXXVI). Въ главѣ первой авторъ говоритъ объ изданіяхъ текстовъ, редакціи, оригиналѣ и названіи памятника. Во второй главѣ, анализируя апокрифъ, авторъ въ общемъ признаетъ взглядъ Дилльманна на происхожденіе апокрифа. Въ третьей главѣ, рассуждая о первой части памятника, объ іудейскомъ апокрифѣ („мученичество Исаи“), авторъ приводитъ свидѣтельство Оригена о немъ, намѣчаетъ процессъ образованія преданія о мученичествѣ Исаи и указываетъ время происхожденія іудейскаго апокрифа не позднѣе 2 вѣка по Р. Хр. Языкъ оригинала по нему вѣроятнѣе всего арамейскій. Обслѣдуя въ четвертой главѣ вторую часть апокрифа—христіанскій апокр-

рифъ (Видѣніе Исаи), авторъ дѣлаетъ экскурсіи въ талмудическую и гностическую литературу. Находящіеся въ этомъ апокрифѣ ученіе о семи небесахъ, хотя въ основѣ имѣетъ іудейское ученіе, встрѣчающееся въ Талмудѣ, книгѣ Эноха и въ Завѣщаніи 12 патриарховъ, однако одухотворено здѣсь христіанскимъ пониманіемъ. Сравнивая его съ гностическимъ ученіемъ, авторъ ставитъ въ историческую связь съ нимъ и самое происхожденіе апокрифа. Въ пятой главѣ авторъ говоритъ объ окончательной редакціи всего апокрифа, а въ шестой о дальнѣйшей судьбѣ его.

Предметъ изслѣдованъ авторомъ весьма полно. Онъ воспользовался всѣмъ матеріаломъ, какой нашелъ въ нашей библиотекѣ, привлекая его изъ разныхъ областей, талмудической, патристической и апокалипсической. Авторъ разсуждаетъ дѣльно и здраво. Въ немъ видна способность къ исторической критикѣ. Благодаря ей и изученію предмета по первоисточникамъ, авторъ судитъ самостоятельно, устанавливая иногда свои взгляды. Мы отъ души желаемъ, чтобы этотъ серьезный ученый трудъ, носящій на себѣ всѣ признаки работы опытнаго, осторожнаго изслѣдователя, появился въ печати. Предварительно мы рекомендовали бы автору сравнить древнія славянскія рукописи, находящіяся въ Москвѣ съ ихъ печатными изданіями, отмѣтить всѣ варианты славянскаго текста въ критическихъ замѣчаніяхъ и ознакомить съ изданіемъ Charles R., вышедшемъ недавно и не бывшемъ у автора подъ руками. Для полученія же кандидатской степени сочиненіе автора и въ настоящемъ своемъ видѣ вполне достаточно.“

41) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Успенскаго Михаила* на тему: „Организація епархіальнаго суда въ XVIII вѣкѣ“:

„Небольшое (1—235) сочиненіе автора представляетъ собою цѣльную, тщательно обработанную монографію на данную тему.

Организація епархіальнаго суда XVIII в. въ немъ изображена во всѣхъ деталяхъ основательно, сжато и живо. Но не этотъ описательный элементъ только дѣлаетъ привлекательнымъ трудъ автора, не менѣе усилій авторъ употребилъ на то, чтобы освѣтить изображаемое имъ историческое явленіе, каковымъ выступаетъ въ церковной исторіи епархіальный

судъ, прагматически — выяснить, какимъ образомъ этотъ судъ являлся съ такими именно, а не иными своими характеристичными чертами. Эту задачу своего труда авторъ самъ поставилъ на видъ, помѣстивъ въ качествѣ эпиграфа къ первой главѣ сочиненія слѣдующія слова Кавелина: „Изучить исторически какое нибудь явленіе, значитъ выяснить—изъ какихъ явленій оно возникаетъ, по какимъ законамъ измѣняется, въ какихъ формахъ совершается“ (стр. 12). И эту задачу свою авторъ исполнилъ безукоризненно. Изъ его сочиненія можно не только узнать, каковъ былъ въ XVIII в. епархіальный судъ, но и понять, почему онъ былъ именно таковъ...

Содержаніе сочиненія располагается по слѣдующему плану:

Исходнымъ пунктомъ для автора служить ясно, по крайней мѣрѣ *de jure*, установленное различіе вѣдомствъ суда духовнаго и гражданскаго по предметамъ, а не по лицамъ. Это явленіе, по совершенно вѣрному выраженію автора, было „завершеніемъ длинной восьмивѣковой эпопеи разграниченія вѣдомствъ между государственнымъ и духовнымъ судомъ“ (стр. 1—2). Этотъ фактъ громадной по своимъ послѣдствіямъ важности и служить побужденіемъ изслѣдовать вопросъ: „что же послѣ него судилось въ епархіальномъ судѣ, какія дѣла какихъ лицъ?—иначе—вопросъ о компетенціи его“ (стр. 4).

„Но перемѣны, свойственныя этой эпохѣ (т. е. началу XVIII в.) отразились не на одной только указанной области епархіальнаго суда, но коснулись судоустройства и даже судопроизводства“ (стр. 5): отсюда естественно намѣчается содержаніе 2-й главы: подробный обзоръ епархіальнаго судоустройства, и 3-й—епархіальнаго судопроизводства.

Глава 4-я, обозначенная не вполне ясною рубрикой: „Конкретный обзоръ епархіальнаго суда по предметамъ епархіальной подсудности“ (см. оглавленіе), имѣетъ своею задачею—какъ можно судить по ея содержанію — представить фактическое оправданіе теоріи епархіальнаго суда, начертанной въ предыдущихъ главахъ, заимствованное изъ судебной практики XVIII вѣка. Точнѣе и проще эту главу можно обозначить такъ: образцы церковно-судебныхъ процессовъ XVIII в. по различнымъ предметамъ церковной подсудности.

Надобно признать, что эта послѣдняя глава, при всѣхъ

усиліяхъ автора, оказалась слабѣе предыдущихъ, но это произошло по обстоятельствамъ совершенно независящимъ отъ автора, именно по отсутствію достаточнаго изданнаго матеріала церковносудебной епархіальной практики: что нашель авторъ въ доступныхъ для него изданіяхъ—тѣмъ онъ воспользовался. Дополнить же скудость изданнаго можно единственнымъ путемъ—самостоятельнымъ собираніемъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ нашихъ духовныхъ консисторій. Но это, конечно, уже выходитъ за предѣлы занятій студента IV-го курса въ дѣлѣ составленія кандидатской диссертации. Признаю сочиненіе достойнымъ высшаго кандидатскаго балла и нахожу возможнымъ дальнѣйшую обработку его для соисканія магистерской степени“.

42) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Фигуровскаго Ивана* на тему: „Ученіе Святаго Іоанна Златоуста объ Иисусѣ Христѣ“:

„Святой Іоаннъ Златоустъ знаменитъ, какъ величайшій церковный проповѣдникъ, толкователь Писанія и правоучитель. Но догматическихъ сочиненій у него почти совсѣмъ нѣтъ. Этимъ отчасти объясняется отсутствіе изслѣдованій о догматическомъ ученіи Златоуста не только въ Россіи, но и на Западѣ, изобилующемъ богословскими сочиненіями всякаго рода. Между тѣмъ въ истолковательныхъ и правоучительныхъ церковныхъ бесѣдахъ или гомиліяхъ, равно какъ и въ прочихъ сочиненіяхъ Златоуста разсѣяно множество догматическихъ мыслей и сдѣлать сводъ его разясненій о догматахъ представляетъ трудъ полезный и благодарный, если принять во вниманіе, что мысль и слово этого вселенскаго учителя, каковаго бы предмета они не касались, изобильно изливались медоточными струями, по выраженію церковной пѣсни.

Само собою понятно, что Іоаннъ Златоустъ своими вдохновенными рѣчами тѣмъ чаще возводилъ умы и сердца слушателей къ созерцанію истинъ христіанской вѣры, чѣмъ важнѣе эти послѣднія. А что же можетъ быть важнѣе для христіанина ученія о самомъ Основателѣ христіанства Иисусѣ Христѣ? Златоустъ оставилъ намъ бесѣды на Евангелія отъ Маттея и Іоанна, на книгу Дѣяній Апостоловъ и на посланія Апостола Павла, т. е., на тѣ книги, въ которыхъ описана жизнь Иисуса Христа и раскрыто ученіе о Христѣ какъ Его

Самого, такъ и апостоловъ. Поэтому Златоустъ имѣлъ множество случаевъ говорить объ Иисусѣ Христѣ.

Систематическое изложеніе его ученія объ этомъ важнѣйшемъ предметѣ богословія и составляетъ главную задачу труда Ивана Фигуровскаго. Эту задачу онъ выполнилъ прилежно и вполне удовлетворительно. Его обширное сочиненіе, кромѣ введенія, распадается на шесть главъ. Въ первой главѣ онъ далъ краткій очеркъ исторіи христологіи до Златоуста, руководствуясь нѣсколькими церковно-историческими и патрологическими трудами русскихъ ученыхъ. Во второй главѣ раскрыты мысли Златоуста о важности, необходимости, непостижимости и обстоятельствахъ воплощенія Бога и о возможности спасенія человѣка чрезъ воплощеніе Бога. Въ третьей главѣ пространно изложено ученіе Златоуста о Божествѣ Иисуса Христа, а въ четвертой столь же обстоятельно сообщено ученіе его о челоуѣчествѣ Иисуса Христа. Въ пятой главѣ предложено ученіе Златоуста объ единствѣ лица воплотившагося Бога-Слова. Въ шестой главѣ дана оцѣнка христологіи Златоуста.

При выполненіи основной своей задачи—систематическаго изложенія ученія Златоуста о Христѣ — г. Фигуровскій не имѣлъ какихъ бы то ни было руководственныхъ пособій; а имѣя подъ руками сочиненія Златоуста, самъ извлекъ изъ нихъ матеріаль, распредѣлилъ его на отдѣлы и изложилъ въ системѣ. При изложеніи онъ большею частію приводитъ собственныя слова Златоуста, разъясняя въ потребныхъ случаяхъ смыслъ ихъ, указывая, напр., ереси, противъ которыхъ направлены слова Златоуста и т. п. Сочиненіями Златоуста г. Фигуровскій пользовался въ русскомъ переводѣ, но обращался также и къ подлинному тексту ихъ въ Патрологіи Миня. Какъ по полнотѣ и обилію извлеченнаго имъ изъ сочиненій Златоуста матеріала, такъ и по обработкѣ его и систематизаціи сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія. Гораздо менѣе обстоятельна собственно - критическая часть сочиненія, заключающаяся въ краткой послѣдней главѣ его. Тема и не требовала оцѣнки Златоуста какъ богослова, или какъ церковнаго оратора, или какъ толкователя Писанія, или какъ нравоучителя и проч. Но достоинство и значеніе сочиненія много повысилось бы, если бы авторъ его написалъ обстоятельную и подробную, а не общую, оцѣнку того

самого учения Златоуста объ Иисусѣ Христѣ, изложеніемъ котораго наполнено почти все его сочиненіе. Быть можетъ, это и не особенно трудно было сдѣлать, но для этого не достало времени. Изложено сочиненіе вполнѣ научно и литературно. Мы замѣтили только немногія неточности, какъ напр. выраженіе „воплощеніе Христа“ (55 и 77 стр.).

Степени кандидата авторъ труда вполнѣ достоинъ“.

43) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Фіолетова Сергѣя* на тему: „Богословское ученіе и естественно-научныя мнѣнія о смерти человѣка, ея происхожденіи и значеніи“:

„Въ первой главѣ своего сочиненія г. Фіолетовъ изъ общераспространеннаго факта, что всѣ люди боятся смерти, дѣлаетъ выводъ, что смерть въ человѣческомъ родѣ есть явленіе не необходимое, случайное, неестественное и ненормальное. Во второй главѣ онъ разсуждаетъ о происхожденіи смерти и раскрываетъ, каково было отношеніе къ ней въ ветхомъ завѣтѣ, въ язычествѣ и христіанствѣ. Третья глава посвящена изъясненію значенія смерти. Четвертая глава содержитъ изложеніе и разборъ естественно-научныхъ мнѣній о смерти человѣка.

При раскрытіи богословскаго воззрѣнія на смерть г. Фіолетовъ руководствовался преимущественно ученіемъ святыхъ отцевъ. Но какъ въ богословской, такъ и въ естественно-научной части сочиненіе его не есть только сборникъ мнѣній, не есть только компиляція, а представляетъ попытку осмыслить и освѣтить вопросы о смерти, кстати сказать, очень трудные, если не довольствоваться готовыми отвѣтами.

Степени кандидата авторъ сочиненія достоинъ“.

44) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Цвѣткова Сергѣя* на тему: „Вліяніе реформъ Петра Великаго на судьбу русскаго раскола“:

„Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ г. Цвѣтковъ представилъ изслѣдованіе, состоящее изъ небольшого, съ обычнымъ въ подобнаго рода работахъ содержаніемъ, введенія и пяти главъ. Изъ нихъ первая (стр. 1—36) имѣетъ характеръ подготовительный: въ ней представленъ краткій очеркъ состоянія раскола „до того времени, когда Петръ Великій своими руками крѣпко захватилъ бразды правленія полуазиат-

ской и полувосточной русской державы“. Авторъ показываетъ здѣсь, какъ старообрядческій расколъ въ указанный періодъ своего существованія, не переставая быть въ основѣ своей явленіемъ церковно-религіознымъ, не возставая противъ государственныхъ учрежденій и порядковъ, постепенно теряетъ, однако, „солидарность съ правительствомъ, довѣріе къ нему, уваженіе къ его авторитету“. Во второй главѣ (стр. 37—101), вмѣстѣ съ обзорѣніемъ петровскихъ реформъ и нововведеній, авторъ старается выяснитъ то впечатлѣніе, какое должна была произвести на русскій народъ ускоренная ломка старыхъ, вѣками выработанныхъ порядковъ и отношеній ради подражанія иноземнымъ образцамъ. Въ качествѣ показателей этого впечатлѣнія взяты народныя легенды о царѣ Петрѣ и толки о немъ, какъ объ антихристѣ, бывшія „крайнимъ развитіемъ отрицательныхъ взглядовъ на петровскія реформы, послѣднимъ отвѣтомъ на нихъ“. Глава третья (стр. 102—133) выясняетъ тѣ точки соприкосновенія, которыя сближали протестъ противъ петровскихъ реформъ съ расколомъ и открывали возможность ихъ объединенія, слѣдствіемъ чего былъ усиленный ростъ раскола въ царствованіе Петра В. и широкое распространеніе его послѣдователей, колонизировавшихъ окраины и даже уходившихъ за рубежъ. Въ главѣ четвертой (стр. 134—229) изслѣдуется вліяніе петровскихъ реформъ на осложненіе самой доктрины раскола и на измѣненіе его основныхъ началъ. Сущность этой перемѣны указывается въ томъ, что „начавъ съ староѣвѣры, онъ (расколъ) отстаиваетъ теперь старые порядки государственной и общественной жизни и вооружается противъ новыхъ. Измѣняется вслѣдствіе этого самый характеръ раскола, такъ какъ онъ изъ чисто церковной сферы переходитъ въ гражданскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ развивается направленіе противоправительственное и даже въ извѣстномъ смыслѣ (?) противогосударственное“. Раскрывая эту мысль, авторъ останавливается, съ одной стороны, на нѣкоторыхъ новыхъ положеніяхъ раскольнической доктрины (ученіе о царѣ Петрѣ, какъ антихристѣ, о немоленіи за царя), съ другой—на фактическихъ проявленіяхъ раскольническаго протеста противъ мѣропріятій власти государственной (поносныя слова и подметныя письма, каррикатуры на Петра, народно-раскольническіе бунты, самоистребленіе въ расколѣ

бѣгство и укрывательство) и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что лишь благодаря реформамъ Петра Великаго могли образоваться въ расколѣ толки, которые „ставили свои противогосударственныя отношенія на степень доктрины“. Послѣдняя глава (стр. 230—271) говоритъ о вліяніи реформъ Петра Великаго на „развитіе внутренней жизни въ расколѣ“. Авторъ разумѣетъ, во первыхъ, образованіе нѣсколькихъ, централизовавшихся вокругъ себя раскольническаго населенія, старообрядческихъ общинъ съ своеобразнымъ укладомъ жизни въ нихъ; во-2-хъ, приведеніе самой раскольнической доктрины въ систему, ставя то и другое въ зависимость отъ новыхъ условій жизни раскола, созданныхъ реформами Петра и измѣнившимися отношеніями правительства къ раскольникамъ.

Какъ видно изъ представленнаго краткаго очерка содержанія разсматриваемой работы, авторъ очень обдуманно намѣтилъ путь для своего изслѣдованія, дающій возможность обнять его предметъ съ совершенно достаточною полнотою. Правда, ему не вездѣ удалось строго выдержать свой хорошо задуманный планъ, и распредѣленіе матеріала въ частностяхъ, преимущественно во второй половинѣ сочиненія, можетъ по мѣстамъ давать поводъ къ возраженіямъ: при нѣкоторыхъ перестановкахъ возможно было бы дать больше стройности изложенію и избѣжать ненужныхъ повтореній. Думается, что самъ авторъ, болѣе свободно располагая временемъ, легко устранилъ бы недочеты подобнаго рода, неизбежныя при срочной и спѣшной работѣ. То же самое нужно сказать относительно случая ошибочной цитаціи (стр. 5), а также и нѣкоторой шероховатости слога, замѣченной въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Не смотря, однако, на эти дефекты, сочиненіе въ цѣломъ вполне убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Цвѣтковъ, при серьезномъ интересѣ къ предмету своего изслѣдованія и внимательномъ изученіи относящихся къ нему матеріаловъ, владѣетъ вполне удовлетворительной подготовкой къ ученой работѣ и достаточно выработаннымъ литературнымъ языкомъ. Степени кандидата богословія считаю его вполне достойнымъ“.

45) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Чанишвили Георгія* на тему: „Отношеніе Грузинской церкви къ Армянской“:

„Въ предисловіи къ сочиненію (I—XXXVIII) авторъ даетъ общую характеристику современнаго состоянія изученія грузинской исторіи, указываетъ на скудость, неразработанность и противорѣчивость ея источниковъ, опредѣляетъ задачу своей работы и рассматриваетъ четыре наиболѣе важныхъ для его вопроса древнегрузинскихъ памятника, недавно изданные. Первая глава (1—96) ведетъ рѣчь объ отношеніяхъ Грузіи и Арменіи за IV — VI вв., — эпоху мира и согласія между обоими народами, основаннаго на географическомъ сосѣдствѣ, единствѣ политическихъ интересовъ и скрѣпленнаго, затѣмъ, принятіемъ христіанства. Здѣсь авторъ излагаетъ исторію распространенія христіанства въ Грузіи, доказываетъ независимость обращенія грузинъ отъ армянъ и опредѣляетъ время и обстоятельства учрежденія въ Грузіи автокефальной церкви. Единство, проникавшее отношенія грузинской и армянской церкви за эту эпоху, сказывалось въ постоянномъ общеніи ихъ членовъ, въ почитаніи общихъ святыхъ, въ соборахъ и пр. Конецъ главы занимается вопросами о степени вліянія армянства на происхожденіе грузинскаго алфавита и переводы Св. Писанія, святоотеческой и вообще церковной письменности. Во второй главѣ обслѣдуется исторія религиозныхъ споровъ между Грузіей и Арменіей по поводу опредѣленія Халкидонскаго собора и вызванный ими окончательный разрывъ грузинской и армянской церквей. Объясняя причины отпаденія армянъ отъ союза съ вселенскою церковію, авторъ основательно видитъ ихъ не столько въ ложномъ истолкованіи ими терминологіи Халкидонскаго опредѣленія, какъ это принято думать, сколько въ политическихъ условіяхъ и національныхъ стремленіяхъ Арменіи. Ту же точку зрѣнія онъ примѣняетъ отчасти и къ грузинской церкви. Третья глава (191—270) обозрѣваетъ отношенія грузинской и армянской церквей, какъ они сложились послѣ окончательнаго ихъ разрыва; здѣсь же дается очеркъ грузинской полемики противъ армянъ и перечисляются догматическія и обрядовыя заблужденія ихъ. Сочиненіе заканчивается четвертой главой (271—339), содержащей въ себѣ изложеніе попытокъ грузинской церкви къ присоединенію армянъ къ православію и причины ихъ неуспѣшности.

Для своей работы авторъ воспользовался ученой литературой по исторіи Грузіи и Арменіи, существующей на рус-

скомъ, грузинскомъ и французскомъ языкахъ, поскольку она, вслѣдствіе дороговизны и рѣдкости нѣкоторыхъ изданій, была доступна ему, и добытый отсюда матеріалъ дополнилъ данными, заимствованными отчасти изъ нѣкоторыхъ рукописей, хранящихся въ Тифлисскомъ церковномъ музеѣ и лично рассмотрѣнныхъ авторомъ, главнымъ же образомъ изъ ново-изданныхъ памятниковъ грузинской письменности, но еще не использованныхъ въ примѣненіи къ изучаемому имъ вопросу. Его сочиненіе, не смотря на скудость и запутанность сохранившихся свѣдѣній, даетъ довольно полный и послѣдовательный очеркъ взаимныхъ отношеній грузинской и армянской церкви, при чемъ изложеніе фактовъ въ нужныхъ случаяхъ сопровождается надлежащимъ выясненіемъ ихъ причинъ и слѣдствій. Въ особую заслугу можно поставить автору то, что онъ чуждъ той ложно-патріотической тенденціи, — не рѣдко наблюдаемой въ трудахъ грузинскихъ ученыхъ, — которая во всѣхъ извѣстіяхъ армянской историографіи касательно Грузіи усматриваетъ одну сознательную ложь. Въ этомъ пунктѣ сужденія автора сдержанны и осторожны. Языкъ сочиненія, за малыми исключеніями, вполне литературный.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

46) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Чернавскаго Александра* на тему: „Протопопъ Іоаннъ Нероновъ. Его жизнь и дѣятельность“:

„Вышеприведенное заглавіе даетъ читателю право ожидать исторической монографіи, написанной по плану, обычному для этого рода ученыхъ работъ. Такое ожиданіе не оправдывается, однако, дѣйствительнымъ составомъ и содержаніемъ разсматриваемаго сочиненія. Здѣсь мы напрасно стали бы искать, напр., вступительнаго очерка, знакомящаго съ источниками и пособіями для данной работы; самое изслѣдованіе, не смотря на его довольно значительный объемъ, не распределено на отдѣлы или главы, соответственно различнымъ періодамъ жизни изучаемаго лица или различнымъ сторонамъ его дѣятельности, а представляетъ сплошное повѣствованіе, переходящее иногда въ простой хронологическій перечень фактовъ, прерываемый болѣе или менѣе обширными отступленіями, имѣющими не одинаково близкое

отношеніе къ специальному предмету изслѣдованія. Одно изъ такихъ отступленій, выдѣленное, правда, въ особое приложение, трактуеть на пространствахъ 124 страницъ объ актахъ собора 1654 г. и о предисловіи къ Служебнику 1655 г.; между тѣмъ о сочиненіяхъ самого Ивана Неронова авторъ ограничивается лишь немногими замѣчаніями, сдѣланными какъ бы мимоходомъ и во всякомъ случаѣ недостаточными. Такой составъ и внутренній распорядокъ сочиненія нельзя, конечно, не признать крупнымъ его недостаткомъ, избѣгать котораго можно было тѣмъ легче, что изслѣдованія съ аналогичнымъ предметомъ и содержаніемъ уже имѣются въ нашей исторической литературѣ.

Но указанный формальный недостатокъ сочиненія съ избыткомъ искупается его внутренними достоинствами, которыя заставляютъ отозваться о работѣ г. Чернавскаго въ цѣломъ съ рѣшительною и большою похвалою. Можно сказать съ полной увѣренностію, что въ срочной студенческой работѣ не часто встрѣчается такое серьезное знаніе своего предмета,—знаніе не показное, выражающееся въ громоздкой цитаціи, а настоящее, дающее себя чувствовать почти на каждой страницѣ изслѣдованія самостоятельностью взглядовъ автора, вѣскостью и основательностью высказываемыхъ имъ положеній и мнѣній. Это не шаблонный продуктъ трудолюбиваго компиляторства, съ робкими и неувѣренными попытками самостоятельныхъ частичныхъ изысканій; въ данномъ сочиненіи мы имѣемъ дѣйствительно ученую работу, хотя лишь въ эскизѣ, не получившемъ законченности и соразмѣрности въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Но и самая эта формальная неупорядоченность сочиненія, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, говоритъ въ пользу автора: чуждый наклонности къ показной эрудиціи, онъ сознательно уклоняется отъ подробнаго воспроизведенія готовыхъ результатовъ чужихъ работъ (стр. 339), все свое вниманіе направляя на разработку тѣхъ вопросовъ, которые оставались еще не выясненными или, по его мнѣнію, нуждались въ новомъ пересмотрѣ. Вотъ почему все изслѣдованіе приняло видъ неравномѣрно разработанныхъ очерковъ о личности Неронова и современной ему эпохѣ, вставленныхъ въ рамки краткаго хронологическаго перечня главнѣйшихъ фактовъ жизни и дѣятельности названнаго лица. Въ этихъ очеркахъ мы на-

ходимъ рядъ смѣлыхъ попытокъ произвести пересмотръ нѣкоторыхъ ходячихъ, поддерживаемыхъ весьма авторитетными именами, мнѣній и дать новое освѣщеніе нѣкоторымъ темнымъ сторонамъ никоновскаго исправленія церковно-богослужебныхъ обрядовъ и книгъ. Правда, далеко не всѣ положенія автора могутъ быть признаны вполне убѣдительно имъ обоснованными; но, независимо отъ ихъ фактической достовѣрности, въ самомъ способѣ ихъ обоснованія имъ обнаружено такъ много знакомства съ историческими матеріалами и съ истинно научными приемами ихъ изслѣдованія, что ради этихъ качествъ можно безъ ущерба для справедливости не ставить въ большую вину нѣкоторой поспѣшности выводовъ въ однихъ случаяхъ (стр. 415—416) и излишней рѣзкости отзывовъ объ историческихъ дѣятеляхъ и современныхъ ученыхъ изслѣдователяхъ въ другихъ. Присоединивъ къ вышеуказаннымъ достоинствамъ даннаго труда яркость и живость изложенія, а къ недостаткамъ неприятную склонность автора къ вульгарнымъ выраженіямъ и словамъ („напакостить“—стр. 58, „якшаться“—стр. 124 и т. п.), въ окончательномъ выводѣ я нахожу возможнымъ признать сочиненіе г. Чернавскаго очень хорошею диссертацией на кандидатскую степень, а его самого — вполне достойнымъ этой степени и способнымъ къ дальнѣйшему научному труду“.

47) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Чулкова Павла* на тему: „Гавріилъ Бужинскій“:

„Сочиненіе распадается на четыре главы: I содержитъ начальныя біографическія данныя о Гавріилѣ, II охватываетъ Петербургскій періодъ его дѣятельности, III проповѣдническіе труды, IV дѣятельность Гавріила въ санѣ епископа рязанскаго.

Изучивъ не только проповѣди самого Гавріила Бужинскаго, недавно изданныя проф. Пѣтуховымъ, но и главнѣйшую литературу, относящуюся къ его времени, авторъ составилъ обстоятельную монографію объ избранномъ имъ для изслѣдованія сотрудникѣ царя Преобразователя: его біографію, довольно полный очеркъ его литературныхъ трудовъ и картину общественной дѣятельности трудолюбиваго Гавріила. По всему видно, что положено не мало силъ и труда для

написанія этого обширнаго сочиненія (974 стр.), что авторъ работалъ съ любовью къ взятому вопросу и въ особенности къ самому изучаемому лицу. Но къ сожалѣнью сочиненіе не свободно отъ серьезныхъ недостатковъ. Прежде всего авторъ пристрастенъ къ Гавріилу: является не объективнымъ изслѣдователемъ его дѣлъ и писаній, а поклонникомъ его,—отсюда панегиристомъ и апологетомъ. Это было бы и повятно и простительно для молодого автора, но указанный недостатокъ присущъ его работѣ въ очень значительной, уже не простительной степени. Напримѣръ онъ называетъ Гавріила „великимъ“ какъ проповѣдника, какъ ученаго и какъ общественнаго дѣятеля (664, 947, 973). Описывая одну проповѣдь Гавріила, авторъ такъ представляетъ ея убѣдительность: „отъ одной характеристики (развращеннаго петербургскаго общества) можно возненавидѣть этотъ порокъ и чистому отъ него навсегда остаться чистымъ, а виновному исправиться“ (614). Возвышая нравственную личность изучаемаго дѣятеля, онъ несправедливо осуждаетъ другихъ сотрудниковъ Петра изъ духовенства, какъ интригановъ и честолюбцевъ, и тѣмъ самымъ объясняетъ ихъ извѣстность въ исторической наукѣ (см. введеніе). Авторъ защищаетъ Гавріила въ его неумѣренномъ панегиризмѣ относительно Петра, хотя самъ же однажды сознается, что въ проповѣдяхъ Гавріила встрѣчаются „кощунственно преувеличенныя восклицанія“ (814). Далѣе, нѣкоторые отдѣлы сочиненія страдаютъ крайностями и преувеличеніями. Такова характеристика религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества времени преобразованій. Авторъ договаривается до того, будто „отъ (русской) церкви въ то время осталось только имя“, будто у нея „было отнято даже каноническое право и право слѣдить за исполненіемъ догматовъ“ (sic! 407, 414). Но главный недостатокъ сочиненія въ сторонѣ литературной. Оно очень растянуто. Безъ малѣйшаго ущерба для его содержанія, а вѣроятно—для положительной выгоды, можно было изложить его въ два раза короче. Теперь же правильныя мысли и дѣльныя сужденія приходится искать въ потокѣ многословія. Пространно излагая, авторъ въ то же время старается выразиться какъ можно помудренѣе и не замѣчаетъ, когда его рѣчь становится напыщенной и перестаетъ быть складной. Эти стилистическіе недостатки, соединяясь вмѣстѣ,

даютъ положительно литературные курьезы, которыхъ не мало въ сочиненіи студента Чулкова. „Двадцатилѣтнимъ юношей, въ полномъ, высшемъ расцвѣтѣ молодыхъ умственныхъ и физическихъ силъ, съ жаждой дѣятельности, съ неудержимымъ стремленіемъ быть полезнымъ церкви и обществу, вышелъ Гавріиль побѣдителемъ изъ гостепріимнаго храма высшей науки“ (72). „Цѣль задачи Гавріила была исправить или измѣнить кое-что въ чинѣ“ избранія и рукоположенія епископа (266). „Проповѣдь эта обличаетъ въ проповѣдникѣ умѣнье во время удара по струнамъ внутренней лиры и получить желаемый мелодичный аккордъ“ (642). Встрѣчается выраженіе „тріумфальное шествіе къ престолу Праведнаго Судіи“ съ „лучезарнымъ вѣнцемъ мученика“ (875). Слѣдующими словами описывается преобразовательная дѣятельность Петра. „Съ лихорадочной поспѣшностью онъ торопится навестать безопасно потерянное прошлое, встряхнуть дремавшую Русь, сообщить ей жизнь, силы, захватить въ свои объятія и вмѣстѣ съ ней, помогая ей, бѣжать къ свѣту, къ жизни, къ дѣйствительной жизни человѣчества, все узнать, всему научиться, чувствовать себя равнымъ съ другими, по праву считать себя вѣнцемъ творенія, царемъ видимой природы“ (299).

Съ сожалѣніемъ отмѣчаемъ литературные недостатки, испортившіе работу студ. Чулкова. Недостатки эти не смотря на трудолюбіе и полную добросовѣстность автора заставляютъ признать его сочиненіе только хорошимъ“.

48) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Шестова Александра* на тему: „Вторыя узы Апостола Павла“:

„Небольшое, но содержательное сочиненіе г-на Шестова представляетъ основательно продуманный, обстоятельно составленный и отчетливо изложенный рефератъ о внимательно и всесторонне имъ изученной новѣйшей иностранной (нѣмецкой) литературѣ касательно вторыхъ узъ Апостола Павла и тѣсно съ этимъ вопросомъ связанныхъ изслѣдованіяхъ исторической цѣнности, относящихся къ данному предмету, новозавѣтныхъ апокрифовъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ частныхъ, требующихъ исправленія и провѣрки (Юсть *Тиверій*?—цитации первоисточниковъ по литературнымъ пособиямъ,—отсылки читателя за нужными подробно-

стями къ иностраннымъ изслѣдователямъ, напр. Цану и под.), прекрасная работа автора была бы весьма полезна для русской богословской литературы и, какъ кандидатская диссертация, заслуживаетъ полнаго одобренія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—а) § 132: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. ж) § 139: „Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ оной, то, при исканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго по-

ваго сочиненія“. 3) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при исканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“. 2) Правиль касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи—а) § 1: „Въ случаѣ полученія студентомъ на какомъ-либо сочиненіи, за какую-либо изъ проповѣдей, или на устныхъ испытаніяхъ по какому-либо предмету балла ниже 3, но не ниже $2\frac{1}{2}$, считать этотъ баллъ удовлетворительнымъ для степени кандидата лишь въ томъ случаѣ, когда средній баллъ по сочиненіямъ и отвѣтамъ будетъ равняться баллу не ниже 4“. б) § 2: „Получившій въ теченіе академическаго курса по одному какому-либо предмету баллъ ниже $2\frac{1}{2}$, но не ниже 2, или по двумъ предметамъ— $2\frac{1}{2}$, по окончаніи полнаго курса удостоивается званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія при окончаніи курса или въ продолженіе слѣдующаго учебнаго года подъ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на новомъ устномъ испытаніи (при чемъ баллъ должно получить не ниже 4), если неудовлетворительный баллъ поставленъ за устный отвѣтъ, или по представленіи удовлетворительнаго сочиненія (при чемъ баллъ долженъ быть полученъ не ниже 3), если неудовлетворительный баллъ былъ поставленъ за сочиненіе. *Примѣчаніе.* Право подвергаться испытанію предоставляется всего одинъ разъ“. 3) По § 81 лит. б п. 10 устава духовныхъ академіи „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Малевича Анатолія,
Туницкаго Николая,
Зеленцова Ивана,
Струминскаго Василія,
- 5) Успенскаго Константина,
Шестова Александра,
Спасскаго Алексѣя,
Воскресенскаго Ивана,
Алмазова Михаила,
- 10) Головачева Потапа,

Фигуровскаго Ивана,

12) Муравьева Василя—

удостоить степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго установаго испытанія.

13) Славгородскаго Николая,
Священника Купленскаго Владиміра,

15) Соловьева Николая,
Іеромонаха Арсенія (Жадановскаго),
Чернавскаго Александра,
Богоявленскаго Дмитрія,
Чулкова Павла,

20) Воронова Николая,
Кудинова Павла,
Студенскаго Аркадія,
Чанишвили Георгія,
Заозерскаго Александра,

25) Аванасьева (онъ же Анисимовъ) Петра,
Фіолетова Сергѣя,
Кесарійскаго Ивана,
Лучинина Льва,
Зеленина Николая,

30) Орлова Дмитрія,
Священника Никитина Тихона,
Ряжскаго Константина,
Цвѣткова Сергѣя,
Ареѣева Ивана,

35) Соболева Александра,
Пушкина Бориса,
Архим. Діонисія (Марангудакиса), грека,
Знаменскаго Василя,
Неклюкова Петра,

40) Тсолакиса Савву, грека,

41) Пятницкаго Ивана—

удостоить степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава.

42) Абурусса Илью, сирійца,
Іеродіак. Аванасія (Трифоновъ), болгар. уроженца,
Бунтсвникова Стефана, болгар. уроженца,

- 45) Ващенко Григорія,
 Евладова Петра,
 Ієродіак. Іларіона (Николова), болгар. Уроженца,
 Нечаева Ксенофонта,
 Покровскаго Дмитрія,
 50) Попова Христо, болгарскаго уроженца,
 Смирнова Александра,
 52) Троицкаго Дмитрія—

удостоить званія дѣйствительнаго студента Академіи съ предоставленіємъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: *Абуррусу*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по Священному Писанію Новаго Завѣта и церковной археологіи и литургикѣ; *ієродіакому Аванасію*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и церковной археологіи и литургикѣ; *Буктовникову*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія; *Ващенко*—по представленіи новаго семестроваго сочиненія по Священному Писанію Новаго Завѣта; *Евладову*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и церковной археологіи и литургикѣ; *ієродіакому Іларіону*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, новыхъ семестровыхъ сочиненій по словесности и церковной археологіи и литургикѣ и одной проповѣди; *Нечаеву*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія; *Покровскому*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, новаго семестроваго сочиненія по церковной археологіи и литургикѣ и одной проповѣди; *Попову*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по психологіи и общей церковной исторіи; *Смирнову*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новаго семестроваго сочиненія по метафизикѣ и *Троицкому*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.— II). Студентамъ *Лепехину* Николаю, *Линькову* Александру и *Успенскому* Михаилу, въ виду засвидѣтельствованнаго академическимъ врачомъ болѣзненнаго состоянія ихъ, дозволить сдать устныя испытанія по предметамъ IV курса въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1903 года, послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи ихъ степени кандидата богословія.— III) *Высотскаго* Павла, въ случаѣ обратнаго принятія его Правленіємъ Академіи въ число студентовъ, оставитъ въ IV курсѣ

на второй годъ. -- IV). Постановленія сіи представить на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

III. Предложеніе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи.“

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на каждого.“ 2) По § 81 лит. б. п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Николая *Туницкаго* и Ивана *Зеленцова*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2⁰/₁₀₀ на пенсіи. 2) Мнѣніе сіе представить на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

IV. Докладную записку временнаго преподавателя русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы, заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи Григорія *Воскресенскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Московской Духовной Академіи, что я признаю студента IV курса Николая Туницкаго достойнымъ кандидатомъ на кафедре русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы, какъ оказавшаго въ кандидатской диссертациі основательныя филологическія и литературныя познанія,

наклонность и способность къ филолого-литературнымъ занятіямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что для полнаго подготовленія г. Туницкаго къ означенной каедрѣ весьма полезно было бы для него 1) прослушать въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ курсы общаго и сравнительнаго языкознанія, греко-славянской палеографіи, славяно-русской филологіи и литературы и 2) получить командировку за границу въ славянскія земли для ознакомленія на мѣстѣ съ языкомъ и литературными памятниками западныхъ и южныхъ славянъ.“

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 1 февраля 1902 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, въ виду отсутствія кандидата, вполне подготовленнаго къ замѣщенію вакантной каедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы, временное исполненіе преподавательскихъ обязанностей по означенной каедрѣ поручено, съ 1 февраля 1902 года, бывшему преподавателю сихъ предметовъ—заслуженному ординарному профессору Академіи Григорію Воскресенскому, изъявившему на то свое согласіе, съ производствомъ ему, согласно § 60 академическаго устава, вознагражденія въ размѣрѣ 900 рублей въ годъ.— 2) Опредѣленіемъ отъ 4 іюня того же 1902 года Совѣтъ Академіи просилъ профессора Воскресенскаго „озаботиться приготовленіемъ достойнаго преемника себѣ изъ настоящихъ или бывшихъ учениковъ своихъ и свои предположенія по этому дѣлу представить на обсужденіе Совѣта Академіи“. 3) По § 81 лит. а п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Въ случаѣ утвержденія Его Высокопреосвященствомъ постановленія Совѣта, изложеннаго въ предшествующей (III) статьѣ настоящаго журнала,—окончившаго въ текущемъ году курсъ и оставленнаго при Академіи на годъ для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каедръ, кандидата богословія, Николая *Тунцкаго* имѣть въ виду для замѣщенія вакантной нынѣ въ Академіи каедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы. —

2) Предложить профессорскому стипендіату Туницкому для полной научной подготовки къ занятію означенной каедрѣ прослушать въ теченіи 1903—1904 учебнаго года курсъ лекцій по указаннымъ въ докладной запискѣ профессора Воскресенскаго предметамъ на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, для чего и просить Его Высокопреосвященство возбудить, чрезъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, ходатайство предъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о прикомандированіи Туницкаго къ означенному факультету на 1903—1904 учебный годъ, съ освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій.—Окончательное же сужденіе объ избраніи профессорскаго стипендіата Туницкаго на каедрѣ имѣтъ послѣ представленія имъ отчета о своихъ годичныхъ занятіяхъ и прочтенія пробныхъ лекцій.

V. Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: *Евладова Петра, Знаменскаго Василія, Кесарійскаго Ивана, Лучинина Льва, Неклюкова Петра*, священника *Никитина Тихона, Покровскаго Дмитрія, Пушкина Бориса, Пятницкаго Ивана, Соболева Александра, Фиолетова Сергѣя, Цвѣткова Сергѣя* и *Чамшивили Георгія* о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{8 марта} 11 апрѣля 1892 года за № 590 предписано Совѣтамъ Академіи, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмітокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ 25/27 апрѣля 1884 года и ^{27 января} 17 февраля 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каедрѣ или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступ-

ковъ, и чтобы, по сообщеніи Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента сообщить въ Святѣйшій Синодъ и въ Учебный Комитетъ требуемыя Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ $\frac{3 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590 свѣдѣнія о нихъ.—2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ и стипендіатовъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить ихъ документы въ подлежащія духовныя консисторіи.

VI. Разсуждали о назначеніи на 1903—1904 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время, за окончаніемъ полнаго академическаго курса и выбытіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса, остаются свободными слѣдующія стипендіи: двѣ имени А. И. Хлудова— по 265 рублей каждая, семь Троице-Сергіевой Лавры— по 220 рублей каждая, двѣ Московской каѳедры — по 110 руб. каждая, по одной имени: Митрополита Іоанникія въ 217 руб., Архіепископа Макарія въ 220 руб., архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина въ 220 р., протоіеря І. В. Рождественскаго въ 194 р., протоіеревъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 р., П. А. Мухановой въ 220 р. и одна академическая въ 210 р.—Кромѣ того подлежитъ назначенію одному изъ студентовъ II курса стипендія имени покойнаго Митрополита Московскаго Сергія въ 220 р., одному изъ студентовъ III курса—казенная стипендія (послѣ умершаго студента Ивана Дгебуадзе) и одна стипендія имени Г. И. Хлудова въ 80 р. (послѣ уволеннаго по семейнымъ обстоятельствамъ студента

II курса Ивана Станиславскаго).—2) Утвержденных Его Высокопреосвященством „Правилъ относительно распределенія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ а) п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распределеніи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ“; б) п. II: „При распределеніи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основного, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендій на первомъ курсѣ, а именно: всѣ наличныя казенныя и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго“; в) п. III: „Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, при чемъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишень стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ спискѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею. и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ спискѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности“; г) п. IV: „Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“. 3) Положенія о стипендіи имени покойнаго Митрополита Московскаго Сергія: а) § 3: „Размѣръ годичной стипендіи опредѣляется въ двѣсти двадцать (220) р., и она назначается Совѣтомъ Академіи одному изъ лучшихъ и способнѣйшихъ студентовъ I курса, при чемъ преимущество отдается, согласно волѣ жертвователя, воспитанникамъ Тульской семинаріи. *Примѣчаніе.* Въ виду того, что въ началѣ перваго курса нельзя съ точностію опредѣлить сравнительное достоинство вновь поступившихъ въ Академію воспитанниковъ, означенная стипендія, сдѣлавшись свободно, причисляется къ тридцати казеннымъ вакансіямъ перваго курса и только по истеченіи года — назначается въ

частности тому или другому студенту, избранному Совѣтомъ, согласно съ условіями сего параграфа“; б) § 6: „Согласно волѣ жертвователя, воспитывающійся на означенной стипендіи въ теченіи всего академическаго курса студентъ получаетъ право къ своей фамиліи прибавлять фамилію „Сергіевъ“, сохраняя эту прибавку и по выходѣ изъ Академіи“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ Академіи за минувшій учебный годъ, лишитъ казенныхъ стипендій на будущій 1903—1904 учебный годъ студентовъ: 3 курса—Александра *Петропавловскаго*, 2 курса—Харитона *Иванова*, Виктора *Соколова*, Сергѣя *Петрова* и Александра *Бартенева* и оставленныхъ во 2-мъ курсѣ на второй годъ—Андрея *Бѣлявскаго* и Михаила *Попцова*, а также частныхъ стипендій: П. А. Мухановой въ 220 рублей — студента 4 курса Александра *Минераллова* и В. М. Ундольскаго въ 200 рублей—студента того же курса Сергѣя *Ильинскаго* и передать: казенныя стипендіи студентамъ: 3 курса—Александру *Грандилевскому* (пользовавшемуся стипендіей протоіерея І. В. Рождественскаго въ 194 рубля), Ивану *Стоянову* (пользовавшемуся стипендіей Московской кафедры въ 110 рублей) и Михаилу *Соловьеву* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 рублей); 2 курса—Николаю *Рождественскому* (пользовавшемуся стипендіей Ю. Ѳ. Самарина въ 173 рубля), Николаю *Краско*, Павлу *Ленезину* и Николаю *Писаревскому* (пользовавшимся стипендіями Г. П. Хлудова по 80 рублей); частную стипендію П. А. Мухановой—студенту 4 курса Константину *Демисову* (пользовавшемуся стипендіей Епископа Христофора въ 160 рублей); стипендію В. М. Ундольскаго — студенту 2 курса Виктору *Соколову*.—2) Стипендіи имени А. И. Хлудова назначить студентамъ 2 курса Николаю *Чернявскому* и Владиміру *Семидалову* (пользовавшимся казенными стипендіями).—Семь стипендій Троице-Сергіевой Лавры—студентамъ: 4 курса—іеродиакону *Алексію* (Симанскому), Александру *Моисееву* (пользовавшемуся стипендіей Ломоносовскаго Комитета въ 202 рубля) и Ивану *Недригайлову* (пользовавшемуся стипендіей Архіепископа Алексія въ 170 рублей), 3 курса—Сергѣю *Булыгину* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 рублей) и Александру *Троицкому* (пользовавшемуся стипендіей Епископа Никодима въ 192 рубля), 2 курса—Андрею *Бѣлявскому*

и Михаилу *Попцову*.—Двѣ стипендіи Московской каѳедры—студенту 2 курса Виктору *Лебедеву* и имѣющему въ августѣ мѣсяцѣ держать переводныя испытанія во 2-й курсъ студенту Всеволоду *Меньшикову*. — Стипендію Архіепископа Макарія—студенту 3 курса Михаилу *Смирнову* (пользовавшемуся стипендіей прот. Невоструева въ 142 рубля). — Стипендію архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина—студенту 4 курса Владиміру *Кирикову* (пользовавшемуся казенной стипендіей).—Стипендію протоіерея І. В. Рождественскаго — студенту 3 курса Александру *Петропавловскому*.—Стипендію протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына—студенту 3 курса Филиппу *Ершову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 руб.).—Стипендію П. А. Мухановой—студенту 3 курса Василию *Флорову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей).—Академическую стипендію—студенту 3 курса Григорію *Павскому* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.).—Казенную стипендію на 3 курсѣ—студенту означеннаго курса Николаю *Ястребову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей).—3) Стипендіи: протоіерея І. В. Рождественскаго (послѣ А. Грандилевскаго) передать студенту 3 курса Всеволоду *Соболеву*; Ю. Ѳ. Самарина (послѣ Н. Рождественскаго) студенту 3 курса Александру *Баткину* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 рублей); Епископа Христофора (послѣ К. Денисова) — студенту 2 курса Михаилу *Веретенникову*; двѣ казенныя стипендіи (послѣ Н. Чернявскаго и В. Семидалова)—студентамъ 2 курса Константину *Владиславлеву* и Нилу *Пятницкому*; Ломоносовскаго Комитета (послѣ А. Моисеева)—студенту 3 курса Ивану *Неутрѣвскому*; Архіепископа Алексія (послѣ И. Недригайлова)—студенту 4 курса Александру *Минераллову*; Епископа Никодима (послѣ А. Троицкаго)—студенту 2 курса священнику Іоанну *Звѣздкину*; казенную (послѣ В. Кирикова) — студенту 4 курса Василию *Бензину*.—4) Стипендіатомъ имени покойнаго Митрополита Московскаго Сергія назначить студента 2 курса Михаила *Бѣляева*.—5) За прочими студентами оставить на будущій 1903—1904 годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году; двѣнадцать стипендій: академическую въ 210 р., протоіерея А. П. Невоструева въ 142 руб., двѣ М. А. Хлудова по 118 р., четыре Москов-